

Валерий Терёхин

Роман
Рассказы
и статьи
2010-х годов

В О Г О Н Ъ

Валерий Терехин

В огонь

«ИТРК»

2017

УДК 82.312.6
ББК 84 (2 Рос = Рус)

Терехин В. Л.

В огонь / В. Л. Терехин — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-410-9

События романа «В огонь» (2-е изд., исп. и доп.) разворачиваются в пору благополучных «нулевых». Экс-рок-гитарист 1980-х, сменив имя, вновь оказался в Москве. Соратники-патриоты отправляют его с секретной миссией на Украину. Попав в жернова политических и криминальных интриг, преследуемый местными националистами, герой с честью выполняет свой долг перед Родиной. В книге также представлены произведения автора, написанные им в 2010-е гг.: новые рассказы; статьи в области теории литературы, продолжающие исследование типологии русского антинигилистического романа и литературного творчества писателя-фантаста И. А. Ефремова. В разделе «Публицистика» публикуются репортажи о ситуации на Украине в 2000-х гг. В них отражены нарастающие экономические и социальные противоречия между либеральным компрадорским киевским олигархатом и трудовым индустриальным Донбассом, приведшие впоследствии к гражданской войне на востоке Украины. В «Приложении» помещены интервью с известными политиками эпохи «перестройки», не публиковавшиеся ранее, и полная библиография изданий автора. Книга предназначена для современного вдумчивого читателя, не равнодушного к судьбе родной страны и сопредельных с ней территорий.

УДК 82.312.6
ББК 84 (2 Рос = Рус)

ISBN 978-5-88010-410-9

© Терехин В. Л., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

В огонь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Терехин

В огонь. Рассказы и статьи 2010-х годов

В огонь

I

«Как я устал от всего! И ещё эта фотомодель на пенсии. Куда теперь от неё деваться?» Затхлая духота хрущобной клетки-однушки дожирала остатки сна. Спать уже не хотелось, но не было сил встать: плотское томление, утолённое в полночь с красивой женщиной, измочалило тело и отжало душу.

«Женился себе на голову и нервы... “Русский ударит из-за спины, а грузин только в лицо”. Это твои слова. А я стал бить сзади после сорока, когда уже нет сил бортоваться в кость с дворовыми тафгаями... Надо было взять твоё фамилие, как говорят на Кубани. Иван Петрович Облезлов, звучит, но не лучше чем сейчас – Иван Петрович Сидоров. Облезлов, Сидоров... Обухов... Какая разница, какая у меня фамилия. Я – человек, которого нет. Есть только мое действие и конечный результат».

Вчера, наконец, получил регистрацию, то бишь прописку, в Москве, которую всегда ненавидел. В протухшем от пота гастарбайтеров коридоре паспортного стола теребил страницы нового паспорта, испещрённого степенями защиты, глядел на своё незнакомое и чужое лицо среднего возраста: округлившееся, слегка раздобревшее, такое как у всех.

«Леггинсы валяются на ковре, она предпочитает их колготам, чтобы “пятки дышали”... Прописала тебя, и радуйся: будешь хранить верность потрёпанной разводами московской биксе. Ну, хоть так, пока мы в ауте, ребята-орчевцы, недоеденные эскапэ. Прикрыли контору по требованию наркотрующихся – больно шустрые, всем мешали. Теперь распространителям метадона и амфетамина лафа.

А что, может, податься в следственный комитет и... шестерить?.. У тебя “семья”, вроде как. Да нет, уже не возьмут... В оперативно-розыскной части и так оказался самым старым, да ещё провисел полтора года “в состоянии перевода”, как просветили потом в кадрах. Невмоготу мне их видеть, молодых, здоровых и сильных, тех, ради кого четверть века назад мы ломали друг другу хребты! Канули и остались вечно молодыми ровеснички, а ты живи, докапывайся до истины, за себя и за того парня...»

Затылок скользнул по взмокшей наволочке. Он отстранился от приникшей Милены, слез на изжёванный насадкой импортного пылесоса ковёр и, отойдя от созревшей благоверной поближе к форточке, энергично занялся зарядкой. Вернее, это была разминка, составленная из упражнений, которые вы зубрил с тех времен, когда знал наизусть оба военно-спортивных гимнастических комплекса, обязательных для отличника боевой и политической подготовки Советской Армии. Прodelывая одни и те же движения тысячи раз, выщедил из них сквозь годы болей и травм самые необходимые и взял за правило выполнять их по утрам где угодно и когда угодно.

«Пора на пробежку... Впрочем, к чему она? В милицию-полицию не примут, даже если уложусь в норматив и пройду аттестацию: орчевских агентов никуда не берут. А ведь самое время перезагрузить зависший социальный статус. Твои ровесники уже майоры в отставке, а те, кто ещё служат – подполковники с выслугой и готовятся к увольнению с производством в звании. Без тебя всё решили, вот и перекинули в патриоты в порядке шефской помощи. А работа твоя везде одинаковая, только спецификация другая...»

Вспомнил купе ночного московского экспресса, гнавшего его прочь с Кубани, где жизнь не задалась, случайного попутчика, опутанного неудачами, потягивавшего украдкой коньяк, двух его бойких мальчишек, которые, не взирая на запрет папы, срывались с ломаного русского на бойкий испанский.

«Беженец из Узбекистана, отделал квартиру, а потом сдал за бесценок, когда талибы рвались к Ташкенту... Преуспевающая фирма в Испании, строят коттеджи на побережье под ключ. Кухонное оборудование с локальной сетью... А систему охраны местные цыгане взламывают, бросая камни в распахнутые окна, которые невозможно держать запертыми в астурийской духоте. И полиция, культурная, чистенькая, на мотоциклах, которая проносится мимо тем быстрее, чем ужаснее то, что творится прямо на глазах за спиной. От нашей братвы в погонах больше пользы, оттого и грубая. Детишки спускались по трапу, узрели таможенника с его хамским “тыканьем”, наслушались мата и запросились назад в самолет, в Испанию к маме...»

За спиной зашелестела простынь, край полосатого чёрно-белого одеяла завис над полом. Он покосился на спящую супругу. В полумраке тюлевых занавесей Милена заголилась, разбросав ноги, и лежала с полным соблюдением «фронтальной открытости» ниже талии, из-за которой торгуются сошедшие с подиума фотомодели, обивающие пороги подпольных видеостудий.

Въедливо потёр взглядом не потерявшие упругости формы никогда не рожавшей женщины, еще не тронутые целлюлитом.

«Да, хороша!.. Вот и вся твоя жизнь, Милена: брак, чтобы уйти из родительской квартиры хоть куда, потом второй – развод – размен – и, наконец, возделенная однокомнатная клетка в четырехэтажке под снос. Зато теперь свобода от “семьи”. И многолетний отдых в одиночестве от “детства” и “юности” в этих рукотворных многоэтажных сталагмитах, где те, кто тебя родил, просчитывают за спиной каждый шаг, предвкушая новую неудачу, лишь бы не уходила и пахала на них до конца дней... Откуда сызмальства выдирался, дуря от квартирного вопроса, и вырвался едва живой».

Сквозь тюлеву щель прорезался солнечный луч. Милена сверкнула из-под ресниц болотной ряской влекущих глаз, невыносимо медленно потянула одеяло на себя и целомудренно прикрылась до самого подбородка:

– Сам себя обслужи, Ваннечка... Чай с котлетами... в холодильнике возьми... хлеба нарежь... И грабли свои колхозные убери!.. Взгуртовал за ночь, как скирду... Плейбой-плебей!..

Завернувшись в одеяловый кокон с хвостом бахромы, жена оскорблённо повернулась к стене.

«Опять во всём виновато “быдло из провинции”, – выскребая щетину с шеи и скул «жилеттовским» станком, думал он в ванной, – только не она сама...» В голове завертелись сцены орчевской житухи. Вот начальница, капитан Саша Моргунова, собирает в 9.00 оперативное совещание, клюет костоломным подбородком, процеживая матом распоряжения. Молодые мужики в кожанках – от старших оперуполномоченных и ниже, набившиеся в её кабинет, шлифуют локтями стол, лебезят, смакуя предстоящий захват, а его, как прикрепленного к ОРЧу¹ агента, опять высылают «в адрес», где придётся высидеть радикулит до полуночи.

Затерзали нудные воспоминания о захороненном в памяти прошлом.

¹ Оперативно-розыскная часть.

«Героем ты не стал и даже инвалидность не получил... Стащили с кузова гриппозного “партизана”², отобрали ремень и амуницию, донесли, досквернословили, до приёмного покоя и бросили на кушетку. Таких не берут в контрактники...»

Провалавшись пару недель с жжёной мутью в глазах, он так и не доехал до пункта сбора, где контрактники встали в строй с чабанами-ополченцами и сгинули в неудачной атаке в предместьях большого кавказского города... А как подлечили его, болезного, в чужих воплях и столах, так сразу и спихнули на перекладных в казачью станицу, затерявшуюся в кубанской степи. В правлении рассыпавшегося совхоза, где млели от жары плечистые казачки, сгорбленный и отощавший, прозаикался, что паспорт отобрали в областном военкомате и куда-то задевали, а военный билет пропал в буденновской больнице. Ему поверили, и местный паспортный стол одолел быстрее, чем хворь. Документы выправили заново, в новую ксиву вклеили фотку, где загар спрятал опалины на лбу и переносице, огненные метки пожара в Доме Советов, когда, растерявшийся и сникший, чудом уцелел. Имя, фамилия, отчество придумал такие, как у всех. И мозг уже противился воспоминаниям о том, что когда-то вырос в С., в дальнем Подмоскowie, и распирало от счастья, что прошлое умерло навсегда.

«Перелудил себя без канифоли и припоя, Иван Петрович Сидоров...»

Его пристроили на свиноферме и два года подряд поднимался засветло без пятнадцати пять, а в 8 утра и в 4 вечера как по расписанию глохнул от свиных вувузёл. Передёрнуло вдруг от зазвучавшего в ушах визга сотен проголодавшихся хрюшек – матёрые хряки вставали на задние лапы, скребли копытцами хлипкие глиношлаковые бортики и жевали его подслеповатыми розовыми глазками, пока он расплёскивал из ведра в кормушки дымящееся варево из вскипяченных отрубей и жмыха.

Не притёрся там ни к кому, и подался на “железку”, а оттуда отфутболили в линейный отдел милиции на транспорте – и назначили “прикрепленным агентом”. Перевели вскоре на Растобинскую: отъедался потихоньку – мёд, молоко, сало, всё свое. И казачек смазливых не мало, встретил было одну, да не удержал...

«“Жизнь подходит к финишной черте, силы у меня уже не те!...” «“Облачный край” всё спел в 84-м, еще до перестроечного потопа. Да и морда пироксилином сполоснутая, как ещё потом Милену поклеил... Всегда тебе везло!»

За окном по Дмитровскому шоссе медленно ползла гудевшая и чадящая металлическая саранча, облепившая с утра разогретые асфальтовые полосы. Он уминал сытные котлеты вприкуску с зачерствевшим хлебом и торопливо заглатывал воспоминания, прихлёбывая из чашки аристократический «Ристон» с кленовым сиропом.

«Из настоящего мяса, сама на рынке выбирала и прокрутила. Вкусные... А вот куратору нашему, Мутнову, жена-хохлушка сэндвичи шлепает в микроволновке, сам мне наболтал. И свою квартиру отписал полтавской родне и промаялся всю зиму в недостроенном коттедже...»

Зато для него все мы – бойцы незримого фронта в битве бюрократических “крыш”, то бишь “взаимонейтральных систем круговых порук”. А хохлы его загрызли. Вот тебе и практикум аппаратной войны... Чует сердце, денег от него не дождусь. Прошвырнуть опять в Вопню, в наше патриотическое Лонжюмо, а назад – безбилетником в тамбуре до платформы Окружная... Не нравится? Тогда иди драться на улицы...»

Снова затерзали ум обидные реплики молодых нагляков из ОРЧа. И завертелись на вечно заплетавшемся языке недосказанные ответы. Но потому и удержался на плаву в тучные «нулевые», что всегда молчал.

² «Партизан» – военнослужащий запаса, после прохождения срочной службы вновь призванный на военные сборы в воинскую часть.

Смял во рту бранное слово, вспомнив прежнюю начальницу, дуболомную Сашу Моргунову из подмосковной Лабашихи. Вот, в усыпанной пылью двухэтажке по улице Зарина, она, обтянутая до треска взмокшей от пота форменной блузкой, подступает к цветочному горшку с алоэ, украдкой вытаскивает из сумочки шприц, закачивает в него из блюдца разжиженный амфетамин и прошивает насквозь иглой шипастые стреловидные листья.

«А куда его девать-то, порошок? Пока сдадут по нужной форме, а сверху отчётность обделают и нам новый пакет документов спустят... Но стерва еще та, всегда нос поверху держала. Забрюхатила и свалила в декрет аккурат за сутки до указа о расформировании. А меня как бесперспективного в агентурной работе уволила. Зато ее отправили на повышение в оперативно-зональный отдел, ОЗОН, то бишь...»

Он доел, вымыл посуду и робко заглянул в комнату: Милена не терпела его ранних замкомвзводовских – в 5.45 – просыпаний.

«Тоже фрукт, падалица перезрелая. Как впихнулись друг в друга, попёрлась в женскую консультацию проверяться, можно ей или нельзя. Теперь сама будит, просится, отталкивает, дрожит, а потом жмётся, ойкает: “Ах!.. ах!.. мой!.. мой!..”, и норовит закольцевать нутром. Защемит в пароксизме, потом весь день плоть ноет. Да ещё утробный стон на зависть разведённой соседке, слушающей через стенку: “У меня есть, а у тебя – нет!..” Этот стон у них love you зовётся...»

Супруга пробудилась, заёрзала на скрипучей кровати, вперила в него изумрудины глаз, заупрекала:

– Опять разбудил... А са-амм спешишь... Как ннадоело всё!.. Смахнув простыни, взметнула вверх сведённые вместе длинные ноги и ловко упёрлась ими в висевший на стене ковер. В тюлевом полумраке, в сгустке теней обрисовался телесно-мраморный конус и посередине него едва угадывался узкий гриф электрогитары с треугольной мохнатой декой.

– Кровь отливает к затылку, полез-нно при ннизком давлении... Уходи скорее... Езжай к своим-м украин кам-мм!..

Он шмыгнул в коридор, разодрал ключами замочные скважины и, захлопнув дверь, слетел по лестнице в подъезд. Пришлось сделать ещё рывок – к троллейбусу, подъезжавшему к остановке.

II

«Опять бегом, через турникет сигать, деньги экономить. Моих агентских и так не хватает. За два года только в цирк сходили, и пару раз в кино. А ей хочется в ресторанчике посидеть... Хорошо хоть сама за квартиру платит. Смотри, отсудит регистрацию, выпрут тебя на улицу, и хлебнёшь горькую... Зря ты, что ли, её домогался, москвичку?»

Вот на Кубани хорошо получал. Шатался с плеером по набережным, забредал в полуночные дискотеки, выуживал в ментоловом дыму слухи, высиживал на стойках сплетни, выцеживал инфу о поставщике, садился на хвост, тормозил попутки, спрыгивал в глухих станицах, брёл вслед за наркодилером к пляжам, и здесь топтался возле палаток и распахнутых авто, загребая кроссовками песок и обходя загорелые тела, а потом мчался в поселок, звонил и сдавал продавца и покупателей. Сутки отсыпался – и его отвозили в соседний городок, благо курортный сезон в разгаре. В то лето местная ОРЧ словила две килограммовые партии героина и повязала всю окрестную наркоту. Начальство отправили на повышение. Не забыли и про него.

«Всё ухмылялись на заикание, и ахали, что работаю без мобильника, а о встречах договариваюсь по телефону-автомату...»

Казённую самсунговскую трубку с чистой симкой он тогда не взял, обзавёлся своей, нокиевской. И когда с очередной партией вместе с героином и амфетамином в Ахмырск

завезли метадон, и всех накрыли по его звонку, был откомандирован в Москву. Оттуда спихнули в Лабашиху в распоряжение тамошней ОРЧ. Некоторые из подмосковных начальников, только-только после юрфака академии МВД, годились ему в сыновья.

«Метадон по нынешним временам вещь дорогая. В тучные нулевые ложка-грамм стоила шесть тысяч, а сейчас в Лабашихе – на треть больше...»

Сердце обожгла захлёстанная внутри душевная боль. В издёрганном уличными пробками троллейбусе, стиснутый со всех сторон потными пассажирами, уставился остекленевшими глазами в запыленное стекло. Ноздри уловили вспоминаемую вонь из подгнивших пунцовых пролежней на лбу и шее наркомана, корчившегося от передозировки метадона на сыром подвальном полу. Однажды в эту типовую девятиэтажку счастливые родители привезли из роддома первенца. Год-другой и подраставший карапуз уже возился в песочнице, топал радостно ножками в детский сад. А потом малыша привели в школу, где оказался самым добрым среди тупых озлобленных одноклассников, не поспевал в погоне за результатом, и сам подсел на иглу, чтобы не призвали в армию. Неудачника с троечным аттестатом и исколотой веной спихнули домой, и вскоре вышвырнули из обставленной гарнитурами квартиры, устав от требований денег с перочинным ножом, зажатым в вибрировавшей ладони, и полудочных конвульсий на заблѣванной лестничной площадке у лифта. И, никому не нужный, потому что не научился ломать других и через них перешагивать, спустился по знакомым с детства ступенькам к гнутой железной дверце, за которой укрылся от всех в непролазной цементной темени. Отогреваясь у отопительного стояка, лишь по ночам выползал на помойки: копать в объедках и собирать бутылки, в надежде наскрести на новую дозу...

Стараясь не смотреть на скрученного ломкой двадцатилетнего старика, выколачивавшего ступицей крошево в паутинном бархате, прозаикался тогда в проѐм лесенки: «Т-та-щ-щить его на З-зар-рин-на?» Могучая Моргунова, курившая у входа наверху, застила свет. «Отставить задержание!.. – гаркнула начальница. – Вшей насобирали и нам подарят. Подождѐм “скорую”, пусть врачи посмотрят... Они и доvezут до морга!..» А он, приведший опергруппу в притон, порадовался тогда искренне, что у него никого нет кроме жены...

Троллейбус ломанулся на зелёный свет, и вжался в асфальт, едва не боднув заалевший светофор. В такт надрывавшейся электромашине, вцепившись в захватанный поручень, сам столбенел от резких торможений, и с угрюмой сосредоточенностью вновь копался в воспоминаниях, переживая за себя и за молодѐжь, под начальством которой служил прикреплѣнным агентом.

«Ну, вымогали орчевцы деньги – за незадержание, неарест, а как еще их разорить, цыган этих, таджиков из Бадахшана, которых по десять человек в квартире?.. Детский трафик с шустрыми курьерами-лилипутами вообще не отследить».

Перед глазами запестрели изъятые при досмотрах купюры. Сосчитав и перевязав, их совали кое-как в сейф, набитый конфискованным порошком.

«Ребята-оперативники оказались молодцы: выворачивались наизнанку, организуя захват то в шашлычной, то в боулинге. А Моргунову послали: дождѣшься, пока она на битом гигабайтном Pentium'e соизволит набарабанить постановление об изъятии и дозвонится в приемную начальника УБОПа!.. Засиделась баба в кабинете, затекла, и отомстила... Молодняк наивный. Ждали, когда удобнее доложить начальству, чтобы получить санкцию на обыск и арест наркобарона. Моргунова, поддакивала, виляла ляшками, уговаривала повременить... Дескать, отчетность ей надо подправить из ниоткуда в никуда. А в главке не вылезала из комнат отдыха и накапала с испугу под себя и наверх... Вот и прокололись глупо: на контрольной закупке. Моргунова, нелюдь двуногая, не пометила банкноты – “я забыла...” А потом капитана и старшего лейтенанта посадили, и ОРЧ расформировали. Эти орчевцы были настоящие бойцы-интеллектуалы, выдавливали “чѐрную кровь” из этносообществ, заставляли целые кланы срываться с мест, менять регистрацию, убираться восвояси из рабо-

чих окраин... Не то что неуклюжие УБОПы: опергруппа выдвинется в адрес, прикатит кое-как на “вазончиках”, а дилеров и след простыл, и амфетамина ни грамма, потому что за “дежуркой” следят. “Компрадорская экономика отвёрточной сборки и лежалога контрафакта раздробила товарный рынок на межплеменные сообщества, пронизанные родовыми связями и традициями, которые составляют основу охлократической власти”, – эта дефиниция Мутнова, второго человека в партии, висит на всех наших сайтах... “Твоих”, что ли? Ты всегда и везде чужой, тебя даже в С. занарские ребята стали чураться... Не вписался в поворот – “уходи, оставь телефон и иди”. Впрочем, если живешь вторую жизнь, то нужно исправлять ошибки первой... А с Мутновым этим я бы в караул не пошёл».

Троллейбус набычился, занёс корпус и, протерев колёсами оплавленную колею, пропустил вперёд настырного стритрейсера, рвавшего на мотоцикле навстречу гибельной мечте.

За окном проплывал и дёргался постиндустриальный пейзаж: задрапированные рекламными бигбордами корпуса заброшенных заводов и НИИ.

«...Уборщицы в лабашихинском ОРЧе сроду не водилось. В милиции вообще народ ленивый, в дежурке вечно пыль и грязь, гвоздя в стенку не вобьют, а всё норовят распоряжаться. Паркетные назначёнки вроде Моргуновой, либо пролетарский молодняк из многоэтажных гетто, жаждущий поквитаться с хачами. Есть и бесперспективные среднего возраста, или такие провинциалы, как я, которым некуда податься... Весь успех в жизни: уложил в кровать измятую москвичку, бывшую в употреблении, которая снизошла и пригласила “почитать Северянина”. Как она там декламировала с утробным придыханием, теребя бусы и хлопая натуральными ресницами: “хочу быть дерзким, хочу одежды с тебя сорвать...” А поутру потащила в ЗАГС неполноценного, мол, будний день, без очередей. И захомутала. Нашлёпала печать в паспорте и теперь визжит: “Я тебя прописала!..” Зато устроилась: есть муж, есть работа – редактирование бумажного журнальчика, бесполезного в эпоху бесчисленных интернет-ресурсов. Повысила свой социальный статус в безнадежной хрущобе, где вымирают в соседних клетках совки-неудачники и судачат до посинения поток соседки на скамеечке. Теперь местная пьянь остерегается, и в подъезде не пристают, как же, “муж из милиции”. И стойка моя боксёрская с депрессивным фэйсом на утренней тренировке под десятками заспанных глаз, тянущихся со всех окон к спортплощадке, под лай выгуливаемых четвероногих друзей...»

Сойдя по многолюдной лестнице в прохладную подземку, влез кое-как в переполненный людскими телами вагон и уставился на гляцевые рекламные постеры. В голове загрохотал незримый, слышный только ему магнитофон и посыпались с катушек обостренной музыкальной памяти обрывистые рифы раннего англосаксонского хард-рока. Замяв под самое нутро психоделический фон, он принялся анализировать:

«Паника в аппарате началась, когда наверху смекнули, что в лабашихинском ОРЧе люди занялись делом, а на начальство плюнули... Составить грамотно документ, правильно расписать и отправить по команде вовремя – в оперативно-розыскной части не до этого. Бланки отчётности заполняли небрежно и сваливали в дела оперативного учёта, которые превращались потихоньку в накопительные. Вот и избавились от тех, кто хоть кого-то задерживал, выезжал в адрес по пять раз за смену. Прикрыли нас после многочисленных жалоб трудящихся с этнорынков: вах-вах, чмыри-шакалы, ОРЧ недорезанный, нарочно подбрасывает наркотики и стряпает дела... Слава Богу, табельное оружие за мной не закрепили, не нужно собирать, разбирать, смазывать, снаряжать обойму, перекладывать из кобуры в карман. На захват не брали, с опергруппами не выезжал, потому легко отделался. А Моргунову вызвали в суд, и эта тумба всех сдала...»

Насупленный и угрюмый, он обречённо поднялся по эскалатору и выбрел в подземный переход в самом центре города. Над головой грохотала площадь, в центре которой торчал постамент-обрубок. На нём когда-то водрузили памятник желчному страдальцу, застрелив-

шему в отрочестве малолетнюю сестру, а в пору революционной зрелости – пьяного матроса, ворвавшегося в кремлёвский кабинет. А потом по приказам недужного почечника были замучены по всей России сотни тысяч русских. «Хорошо, что хоть памятник успели снести... За это “перестройке”, Горбачеву и Ельцину можно всё простить!»

III

Пресс-конференция оргкомитета новой национал-патриотической партии затевалась в литературном музее, размещавшемся в цокольном этаже здания, где в одной из квартир под самой мансардой застрелился когда-то пролетарский поэт-горлопан.

Толкнув плечом парадную дверь, шмыгнул в безлюдный холл. За спиной качнулись запорошенные пылью портьеры. Не сдержав дыхания, чихнул.

«Уже и вахтёра содержать не могут, сдают в аренду зал кому попало, лишь бы налик поиметь. Мутнов, якобы, раскошелился... Враньё! Главный мотиватор – отставной полковник Нагибалов. Под него и деньги текут, откуда надо. А он лично отстёгивает кэш через Мутнова и Хорунжего».

Пока пробирался по узеньким коридорам к знакомой лестнице в подвальный театрик, в голове всплескивалась рок-какофония эстонцев из «Магнетик Бэнд», которыми когда-то восхищался весь Союз. Память автоматически выстраивала информационный ряд:

«В 80-м в Тбилиси на рок-фестивале заняли первое место после “Машины времени”, обошли московский “Автограф”, саратовский “Интеграл” и николаевский “Диалог”... Все тогда гонялись за эстонским роком, прибалты хорошо играли: “Рок-отель”, “Радар”, “IN-SPE”, “Касеке”, “Фикс”, “Апельсин”, “Витамин”... В Москве выбросили “Рую”, и я полдня простоял в ГУМе на третьей линии, чтобы купить винил. И “Розы для папы”, первый альбом “Магнетик Бэнд”, еле достал. А потом уразумел лет через десять: одна вещь слизана из “Цеппелинов”, другая с “Джетро Талл”, третья – у “Чикаго”, четвёртая – у “Блад, Свит энд Тирз”. И эта лоскутная компиляция была в моде и мы восхищались... А Иво Линна из “Рок-отеля” – скверный эпигон Бартина Камингса из канадской супер-группы Guess Who, певшего в 70-м лучше чем Гилан... А тембр и регистры вокала скопировал у покойного Ронни Ван Зана из Lynard Skynard, угодивших некстати в авиакрэш и так и не прилетевших из Алабамы на Московскую Олимпиаду... А, кстати, где та пластинка с эстонцами?.. Пылится в подвале родного дома в дальнем Подмосковье... Или, может, осушили залитую фекальными водами яму, нашли поцарапанный отёкший винил, поставили на проигрыватель с корундовой иглой, не услышали ничего кроме треска и в сердцах разбили?.. А ты не вспоминай. Ты проезжал С. один раз, когда тебя “в порядке перевода” перебросили с Кубани в Москву. Ты уже никогда не сунешься в С., если только не пошлют. Гуннар Граппс очоурился от разрыва сердца в неполные пятьдесят лет, так и не прорвавшись из Эстонии в Штаты. В Союзе ему записали четыре винила, а свои потом в Тал-лин-не и “сорокопятки” не выпустили – не нашлось спонсоров. Это Советский Союз с ними возился, с эстонцами-латышами этими, в люди выводил, а так эти прибалты никому не нужны... Эх, ты, “Леди ‘Блюз’!»³

По скользким металлическим ступенькам стал осторожно спускаться в полуподвал цокольного этажа. Нащупал глазом на одном из гранитных сводов поблекшую табличку,

³ «Магнетик Бэнд» – наиболее известная из перечисленных в тексте рок-группа из Эстонии (до 1991 г. Эстонская ССР), руководил ею ударник и вокалист Гуннар Граппс (1954–2004); рок-фестиваль в Тбилиси (Грузинская ССР, ныне – Грузия) был проведён в 1980 г.; “Чикаго” (Chicago, «Чикаго»), “Блад, Свит энд Тирз” (Blood, Sweat and Tears, «Кровь, пот и слёзы») – американские рок-группы, разработавшие в начале 1970-х стиль джаз-рок; Бартин Камингс – вокалист канадской рок-группы Guess Who («Догадайся кто»), в начале 1970-х расценивался как главный конкурент Яна Гилана из Deep Purple в борьбе за неофициальное звание лучшего рок-певца мира; «Леди Блюз» – хит группы «Магнетик Бэнд» [Розы для папы, 1981].

возвещавшую, что когда-то здесь Третьяковский благополучно сдал какой-то важный экзамен...

Вспомнился вдруг обрывок лекции в незаконченном лет двадцать назад гуманитарном вузе.

«Ах, да, реформировал российское стихосложение. Тона – ударения и силлабику – количество слогов слил в единый дискурс, и получилось наше посконное силлабо-тоническое стихосложение. А потешались над ним дворяне, потому как из безродных был и клоун изрядный... Впрочем, у нас самих сейчас затевается цирк».

В полутёмном конференц-зале обрывались у стен полукруглые ряды кресел с откидными сидениями. В освещённом партере обрисовалось несколько знакомых фигур, известных только своим «секретарей» и «председателей». На столе, застеленном зеленым сукном, установили таблички с именами участников. Поперёк кирпичной стены вывесили кровавое полотнище с корявой серой надписью:

РУССКАЯ НАРОДНАЯ РАДИКАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

«ЭрЭнРэЭнПэ, или РэНэРээНПэ – язык сломаешь... Если бы татары сделали свою национальную партию, то назвали бы, наверно, ТэЭнРэЭнПэ, а удмурты – УдЭнЭрЭнПэ⁴... В России не возможна власть мононациональной государственнической партии, но тебе, Мутнов, не объяснишь, тебя от службы освободили, ты вечно “молодой” и в казарме, где койки в два этажа, сверху лакец, справа якут, а в соседнем ряду киргизы с эвенками и ингушами, ты не засыпал... Чего зря заикаться, язык колотить? Всё равно мне не светит попасть в предвыборный список. Согласован и утрясён... Вот ты, Мутнов, убеждён, что я дурак, и мною распоряжаешься, а на самом деле я тебя использую: устроился как-то в Москве, на Юг путешествую. Нагибалов всё равно тебя прожует и выплюнет. А мне остается молчать, слушать плеер, уже MP-3, оприходовать Милену и, как в прежние времена, доводить до сведения, чтобы опергруппа... активисты, то бишь... вовремя выдвинулась в адрес к цыганам... хачам, к кому там ещё... Эх, соратники в президиуме, взглянуть не удосужились. Ведь на таких, как я, здесь всё держится. Ну, и подалее от вас, а то неровен час прикроетесь мною, подпихнёте к дверям, и вывалюсь из вагона жизни на полном ходу... Подойду-ка лучше к куратору, обозначусь».

Егор Мутнов: большеголовый, похожий на хорька, вымахавшего в человеческий рост, распекал понурого паренька из приезжих, зацепившегося кое-как в столице:

– ...Наши профили в социальных сетях никуда не годятся!.. Все уже давно ходят через роутеры, а ты пенькаешься с провайдером. Почему браузер плохо загружается?.. Почему баннеров мало?..

Заметив его, куратор сунул разбухшую от многолетней писанины липкую ладонь. Пришлось пожать.

– Привет, Ванёк!..

– З-з-здра-с-ствуй...

– Вовремя прискакал, братан. Бэнээн, сволочи, обещали камеру, а будет только “Рен-ТиВи” и наружка с Петровки.

– Н-н-ну, е-ещё подо-подо-йдут...

– «Братство нашего народа» называется, а лавочка еще та. Ба-н-на-ны... – передразнил Мутнов и по привычке обрушил на него вал словесной информации, захлёбывая выдавая партийные тайны.

«Надо поддержать разговор. Главное – его успокоить, а то забудет про деньги и билет, и плакала моя командировка в Воронцовск. А так на Украину прошвырнись за казённый счет».

Но куратор уже перевёл взор на незадачливого веб-мастера.

⁴ Все упомянутые здесь и ниже политические организации – вымышленные.

«Не до меня сейчас. Ну, и хорошо. Всё к лучшему...»

Тихонько сместился в бок, юркнул к стене и примостился на откидном креслице. В полумраке каменного свода было удобнее наблюдать за происходящим.

«Вот и наши вечные сидельцы в президиумах. Это другие за них мочат мигрантов на рынках, отлавливают таджиков в спальниках, поджигают подсобки с узбеками. А мальчишек потом сажают... Pigomania. Ранний альбом у Def Leppard, так себе. Histeria лучше. Вообще, хорошая группа, но взлетела на вершину славы уже в восьмидесятых, не мое поколение...»

Врубили свет. Конференц-зал постепенно заполнялся, в проходах между креслами сновали вечно недовольные всем кроме себя люди. Уши шершавили шушуканья по углам.

Стол президиума облепил Мутнов, а напротив по-хозяйски развалился в кресле отставной полковник Нагибалов. Упёршись локтями о столешницу, Мутнов обличал кого-то, выпятив зад, а его кряжистый усатый шеф недовольно кривился. Наконец чуткий слух вычленил в череде сталкивавшихся звуков озлобленный шепоток и выстроил его в цепь слов.

– Обещал репортаж сделать и не пришёл... Предал нас, гад... женился на хазарке... Купили за шекели... Устроила его телеведущим...

«О ком это он?.. А, таких много. Приезжих из провинции ломают быстро. Я и сам-то здесь еле остепенился и то потому, что вокруг Милены всех раскидал. Не длинноног, вдобавок, заика, русского во мне напололам с мордвой гниенковской, так что карьера в славяно-варяжской партии заказана. А завтра с утра придётся трястись в купейном, лебезить перед пограничниками, прорываться в Запорожье, крутиться по захолюстью, восстанавливать связи, налаживать контакты, путать следы. И ещё прощупывать подходы к харьковской таможне, нате-здрате *votro parfumeu*⁵!.. Чтобы этот блатной выродок из Килогорска пролез в областную думу, или, на худой конец, районный совет. И дорожка у него выстланная, прямоком в депутаты от любой партии, куда прикрепят по согласованному списку по графе “патриоты”. Элита движения составлена, синектура расписана. Так чего себе душу терзать?..»

– Хватит мандить!.. – загрохотал надувшийся Нагибалов. – Где пресса?.. Почему ни одной камеры?.. Чего замандражировал?!

Мутнов сник – крутой полковник мог оформить прямо здесь в зале, на глазах у всех. Сидевший рядом координатор опричного братства, оставшийся без штатного оклада из-за нехватки средств в оргкомитете, ехидно осклабился.

От стола президиума доносились ламентации вездесущего куратора:

– «Братство нашего народа»... Ихние приколы... Шартисский, скот, клялся, божился, что пришлёт оператора с камерой!..

«Ну, ты слажал Мутнов, нашёл, кого донимать просьбами!.. Полковник с Тазулиным только что из Украины прилетели. Офицеры Беспеки затолкали их в самолет, не дав сойти с трапа в Симферополе. Тазулина после общения с местечковой службой безопасности одолел гипертонический криз. Завели его стюардессы сердобольные обратно в бизнес-класс, разложили кое-как на два кресла. А бравый военный раздавил по стопарю с пилотами и кораблю – взлёт! Курс на Минск, к местному батьке. Горозин в Брюсселе завозмушался, и ему наколошматили из Кремля: дескать, не по уставу разгубастился. Посадили тебя спецпредставителем в НАТО, оплатили костюмы от Версачи, так не суй нос в родную грязь... “Братство нашего народа” нам не товарищ. Когда их в Минске бульбаши-кокардники измолотили дубинками на вокзале, мы – ни заявления по Общенародному радио, ни даже бегущей строки в ленте новостей в партийном веб-сайте. 04-й лично присутствовал, и мне божился, что заснял на мобилу, как дубасят соратничков, и MMS-сообщение с вложенным видеороликом выслал на сервер в Килогорск. Мутнов запрепирался... и тишина. Шартисский пожаловался потом

⁵ Ваш парфюм (франц.).

полковнику, мол, хоть позвони наверх, потеряй основного, а Нагибалов молчок. Станет нам теперь “Братство” помогать!..»

Хозяин меж тем шурился, цапал глазами спускавшихся по лестнице журналистов, и вдруг повернулся в его сторону и поманил:

– Эй, Ванёк, дуй сюда!..

Пришлось выйти на свет, сунуть гибкую ладонь в пресс мохнатой лапищи.

– Посиди тут пока... А как закончим, прошвырнись в Во пню, к Хорунжему, он даст денег и билет.

– А деньги... чьи?.. – встрял Мутнов и зло уставился на обоих блевотными глазами. – Опять в кредит?.. Из партмаксимума выдирать?.. Я и так на мероприятие потратился. У меня, между прочим, семья, ребёнок!.. – и тут же отпрянул назад, просев под прицельным прищуром бронированного танкиста.

«Да знаю я твою распрекрасную семью. Жінка-стоматолог из Херсона, давно бы тебя выгнала, если бы не богатый тесть в Килогорске. Спуталась там с хохлом-гастарбайтером, чарівніца, сигаєт под коханю, а тебе не даєт и держит на поводке, чтобы с сыном нянчился и тещу отвратную содержал. Вот и выгреб ты партийную кассу до копійки... А ну-ка, исчезну я с горизонта, а то захомутають факелы носить!»

И он ретировался в полумрак, нащупал своё, никем не занятое сиденье у самой стены, с облегчением плюхнулся в него и стал ждать.

Наконец плафоны на потолке погасли, замерцали бра, укрепленные на стенах. У возвышения возле стола возник Мутнов. В руке держал факел, чадивший кровавым дымом кверху. Вслед за куратором нарисовался угрюмый долговязый активист, нёсший знамя движения – чёрный колченогий четырёхлапый паук на багровом фоне и вышитые под ним золотыми нитями буквы: РНРНП. Молодой человек занял место позади стола, воткнул древко в пол и обречённо принял строевую стойку.

«Бедняга, простоишь так полтора часа. А сменщик из Перми на съёмной квартире заливает...»

Раздались одобрительные приветствия, посыпались беспорядочные хлопки, на первом ряду кто-то поперхнулся и оглушительно кашлянул, застрекотали фотовспышки мобильных, захрустели две видеокамеры. Мутнов, водрузив факел на столешнице, с апломбом заявил:

– Спокойно, господа, мы соблюдаем нормы Госпжнадзора! Порядок в зале обеспечивают наши активисты...

Спереди, выгнув спины, показали себя здоровенные парни.

«Да, Мутнов, ты на острие политического процесса, ведущий функционер, записал себя в номенклатуру. А у подножья аппаратной пирамиды копошатся исполнители: активисты, соратники. И валим друг друга со ступени на ступень под твоим всеведущим оком. Вот потому я сейчас, на ночь глядя, потащусь в Во пню за билетами... Надеюсь, хоть до Запорожья взяли. А то в прошлом году Хорунжий деньгú зажал, и купили до Харькова. А потом пришлось переть в Гориловку автостопом на последние гривны...»

Закашляли диффузорной хворью настенные динамики. Лидер движения тряхнул песнярскими усами и Мутнов кинулся к микрофону, на разогрев скучающей массовки. Вцепившись жирными ладонями в стойку, куратор приосанился.

– Уважаемые соратники!.. В годину тяжких испытаний великого народа, загубленного...

«Не слушай, кем и как. Изо дня в день одно и тоже: “мы ни в чём не виноваты, мы хорошие, а вокруг плохие, понаехали отнять нашу землю!..” С которой сами съехали, потому что лень вставать засветло, заводить трактор и выгонять коров из стойл. Вот и дожираем друг друга в отёчных городах... Нет, пусть другие рвутся на сцену и разглагольствуют. Включи-

ка плеер». Вжавшись в кресло, прикрытый щитами чужих спин и плеч, он сунул клочки наушников в ушные раковины. В голове истошно завопила Сьюзи Кваттр. Погрузившись в её дебютный альбом семьдесят четвертого года, он принялся исподволь рассматривать зал. Сразу отмёл второразрядных корреспондентов, сосланных на пресс-конференцию оргкомитета очередной национал-патриотической партии, выделил прятавшихся по углам безликих интересантов из смежных дружественных структур, запомнил их, потому что видели его рядом с Нагибаловым. Контингент слушателей разбавили немногочисленные приверженцы движения. Были здесь и поклонницы лидера – женщины средних лет. В разных местах зала кучковались по интересам приглашённые знакомые и захожие зеваки из числа посетителей музея.

«Я всегда на отшибе, здесь мое место... Активистов сегодня немного, разлетелись по регионам. Мутнов насовал всем денег, будут там по городам и весям перекупать соратников из развалившихся группировок прошлых лет, загонять их в новую ЭрЭнЭрЭнПэ. Сочувствующих немало, так что нужное количество для регистрации наскребут. Бывали времена и похуже. Мутнов как-то проболтался за бокалом пива, что в Москве после бурных 91-го и 93-го энтузиастов поубавилось, мол, едва уломал пятерых соратников провести вместе с ним санкционированный пикет у Министерства обороны. Четверо держали два транспаранта – нижний и верхний, еще один – знамя движения, ветер с Запада рвал полотнища, а куратор толкал речь у микрофонной стойки, взывая к совести зажавшихся квартирмейстеров: “Покупайте наши танки, а не натовские ‘Мерседесы’!” Наутро в профильной госслужбе такие же трое-четверо маялись у монитора, просматривали видеозапись наружки и гадали, кто же за митингантами-обнищеванцами стоит и что он хочет этим сказать. И так год за годом, с той лишь разницей, что в элитном ведомстве состав зрителей менялся в связи с уходом на пенсию по выслуге лет, а среди наших, кто спивался, кто умирал в горе и нищете, кого выгоняли из дома как бездельного скота...»

Обстановка в конференц-зале потихоньку накалялась. После выступления малоизвестного опричника Мутнов к вящей радости скучающих корреспондентов протянул микрофон распиаренному полковнику.

«В бой вступает божественный Рама!..” Этого придётся слушать, а то потом спросит, о чем говорил и обидится, если поймет, что я кемарил».

Коснувшись сенсорного выключателя, остановил MP-3-плеер. Сьюзи Кваттр, визжавшая где-то в районе третьего уха, поперхнулась и заглохла.

С мест уже сыпались каверзные вопросы.

– А почему на флаге движения изображена свастика?..

– Сознаться, вы – фашисты?..

В президиуме зашевелились. Полковник-геополитик загрохотал:

– Оставляю нелепые домыслы на совести невежд поколения «пепси»!.. Древний арийский знак «сва́сти а́ста» несет в себе многозначный... общечеловеческий... гуманистический... демократический смысл!.. Его ведическое значение тождественно символике славянского знака коловрата!..

«В ухо забей, а то оглохнешь».

Разбуженная в MP-3-плеере, Сьюзи Кваттр возобновила вопли о проблемах измятой утробы. Ораторское витийство партийного босса сдвинулось куда-то наружу и осталось по ту сторону сознания... Но из-за неловкого движения пальцев серебристая пуговка с мембраной опять слетела на плечо. Пришлось прослушать уже не раз слышанное.

– ...Что касается отчетливо выраженной национальной константы современного русского движения, то могу сказать откровенно: вы неверно толкуете вектор приложения силы!.. На что сейчас должна тратиться энергия национал-государственников? На установление в стране э-ле-мен-тар-но-го общественного порядка, благоприятствующего возрождению рус-

ского народа. А вы черните нас в СМИ, оболваниваете простых людей, пугаете их в регионах, внушаете им, якобы, главная цель русских патриотов – искоренить инородцев!.. Как вы там пишете – хачей!.. Это похабное слово вы сами придумали и называете так честных тружеников, которые добросовестно очищают вам, обленившимся москвичам-вырожденцам, дворы и тротуары!.. Клянчить еврогранты на Западе и подачки в Кремле – вот истинный смысл вашего бессмысленного существования! Зажравшаяся нашим салом и молящаяся на Лондон, Брюссель и Вашингтон антирусская пресса – вот сегодня главный враг обманутого и испоганенного русского народа!.. А не какие-то там таджики с мётлами!..

«Скорее одень наушники!.. Убери Съюзи Кваттр... Нужно что-то пожёстче, поэнергичнее, мужественнее. Всё-таки сам Нагибалов на сцене... Покопайся в музархиве. А вот хотя бы Алис Купер... Успокойся, забудь обо всём!»

Едва зазвучало заученное наизусть с отрочества:

– Wellcome to my Night Mare
I think you're gonna like it
I think you're gonna feel... you belong

...под аккомпанемент вечно шагающего в подсознании тяжёлого блюза...

A nocturnal vacation
Unnecessary sedation
You want to feel at home 'cause you belong...⁶

...и нити мучительно грустных воспоминаний, стиснувшие сердце, стали разматываться, исчезая в потёмках памяти и притупляя саднившую душу боль.

Блаженствуя, он бдительно не спускал глаз с президиума. Заведённые Нагибаловым, соратники разошлись не на шутку. Подуставшего лидера движения сменил взъерошенный нечистоплотный субъект. Вывалившись на авансцену, он опёрся седалищем о столешницу и с надрывом принялся выкрикивать чужие стихи. Наконец, истерический вопль, сотрясая наушники, оборвал тугую хардроктовую нить:

– Молчите Тряпкин и Рубцов!!!..

– Поэты русской резервации!!!..

«Вот и Алис Купер спёкся... У микрофона эпилептоидный психопат, вообразивший себя поэтом. Тоже, кстати, член какого-то дохлого эспэ. Придумали там, в Килогорске, “Союз писателей Московии”, верховодят у них Моктева и Гошина, отставные поэтессы из “постельной” обоймы КГБ. Мерзкие бабы... Приходилось сталкиваться: зашёл с куратором на второй этаж, а две размалёванные нечистоплотные старухи набросились на беднягу, стали орать не своим голосом, что-то из-за денег... Ах, да, Балладов им подбрасывает, кум Мутнова, и даже помещение в местной администрации выделил. И фамилия литературная, даром что чиновник!.. Развелось этих творческих союзов, как тараканов. Хорошо, что покойный батяня не дожил до такого позорища. А уж его-то в Союз советских композиторов принимали аккуратно, через три госкомиссии провели, сам Тихон Хренников симфонию смотрел, клавири листал...

Нет, этот козёл сейчас сорвёт пресс-конференцию! На горе Мутнову и компании, ошивающейся вокруг да около. Впрочем, всё к спеху. Самое главное здесь – не заснуть!»

⁶ Здесь и далее приводятся отрывки из текста 1-й и 2-й композиций из альбома американского рок-музыканта Алиса Купера (Alic Cooper) «Добро пожаловать в мой ночной кошмар» [Wellcome to my Night Mare, 1975].

Взмыленный декламатор дёргался в сомнамбулическом экстазе, выплёвывая запенёнными губами чужие вирши... Злополучная металлическая кнопка опять выпала из ушной раковины и угодила за ворот выглаженной сорочки.

– ...И сумасшедшие дома!!!..

Чтец-эпигон замахал руками, проклиная врагов Отечества, завис над партером и растворился в темноте, подхваченный соратниками. Неудавшегося литератора уволокли подальше от софитов. Ошарашенные корреспонденты молчали, дамы выговаривали что-то ухмылистым жлобам, встрял на свою беду и координатор опричного братства. Началась беспорядочная перебранка. Полковник-геополитик грозно топорщил песнярские усы. Мигом подскочивший, Мутнов услужливо предоставил ему слово. Словесная стрельба прекратилась. За столом президиума вновь воцарился Нагибалов.

– Нет, вы объясните, – пыжился надраенный иль-де-ботевским парфюмом кучерявый собкор под дулами нескольких видеокамер, возникших вдруг сразу из ниоткуда, – являются ли лозунги, провозглашенные вами в программе оргкомитета вашей партии, фактически в завуалированной форме... призывами к черносотенным погромам в Москве?!

«А, обетованные, вечно про одно и то же. Вам не до России... Свозить бы тебя в Галичину, там бы тебя угостили кошерной свининой!..»

Полковник-геополитик отвечал туманно:

– Не следует путать обращение к соотечественникам с проектом устава будущей партии...

«Выскальзывает из-под прицела. Ну, это у Нагибалова профессиональное. Сам любит повторять: “В политике, как и на полигоне, всё начинается с юстировки нуля”».

Ладони с вечно слетающими наушниками застыли где-то у висков.

– Так что рекомендую не передёргивать. И хватит заниматься начётничеством, пусть даже за доллары, евро и фунты стерлинги!.. Мы, люди белого мира, не желаем быть клонами в ассортименте генно-модифицированной продукции СМИ. Это вас и бесит!.. Вот вы и есть демофашисты!.. И финансируют ваши медиаресурсы из американо-нацистского центра в Лондоне! Там, на туманном Альбионе засели чёрные демоны России из академии сатанинских наук!..

«Надевай наушники и “слушай свою музыку”. “Лос-Анхелес” пиренейские, пели там под “Битлз” для диктатора Франко. Но тебе от этой цепеллиновской “вечной битвы” ни славы, ни цены... У тебя здесь свое дело, а то, неровен час, увязнешь в паранойе. Как захлебнулся в ней расфуфыренный Мутнов: язык в Москве исколотил, пока в Килогорске не захомутали. Поди, разбери этих хохлушек. Сначала маминой бужениной потчевала, а как в квартиру вселились с тёщей на пару, завела любовника. И ещё дерзит, не кормит, в супермаркет гонит, сам мне нажаловался. С этого начинается мужик: с ужина, который ему приготовили, или нет... Хитрец Нагибалов, знает, кого отправить в Запорожье. В Тавриду, кроме меня, никто не проскочит. А этого болтуна здесь подставляет... А ну, заводи! Вперёд, наш родной советский Алис Купер!»

– Our minds will be his toy
And every girl and boy will learn to be employed
by The Black Widow
Love me
Yes we love me
Love him
Yes we love him...

Уставший от жизни рок-идол распевал ужастик о ползучей чёрной вдове, то ли змее, то ли паучихе, хор из далёких семидесятых вторил ему, пока музыку в наушниках не перекрыло рывканье полковника, заглушившее барабанные перепонки.

– ...Перестаньте нам тут подбрасывать!.. – заревел кормчий, и в зале напряглись. – Или наши активисты вышвырнут вас вон!.. Вас и прочих провокаторов московского бейтара!..

Задиристый журналист препирался. Разъярённый геополитик наседал:

– Я знаю, как выглядят следы гусеничных траков на человеческих телах!!!..

Наконец гламурный москвич поперхнулся и отскочил на задний ряд, словно спрыгнув в запасной окоп, где еще можно было укрыться от бряцавшего гусеницами эскапад записного милитариста.

«Нагнули и тебя, недотёпа с РенТиВи. На то он и Нагибалов, дембель из Вильнюса, провёл свою танковую атаку на телецентр, получил орден, да из майора в подполковники, а потом три звёздочки на погоны... Опять страх, который я всю жизнь учил себя преодолевать. Но чтобы наша партия победила, нужно сперва очистить движение, запугать одних и подавить других. Тех же БэНэЭн. “Рухнул Союз, лопнула идеологическая индустриальная империя, и вместо неё нужно строить мультиконфессиональную технологическую, иначе нам на этой планете не жить”, – так распинался Нагибалов на установочной встрече...»

Он опять отключился и под бред депрессирующего Алиса Купера вспомнил общий сбор в Вопне...

В подвал двухэтажки, определённой под снос, набились все агенты оргкомитета: те, кто половчее и пошустрее. Коллег вместе с собой насчитал меньше десяти. Не громокипели, не рвались в политсовет, а мотались по регионам, заныривали на свой страх и риск в ближнее зарубежье. Продвинутые не вылезали из социальных сетей, налаживали удалённые контакты, помогали формировать в депрессивных областях и краях легальные отделения оргкомитета, и слали через Сбербанк блиц-переводы на пропой местных юристов. Кто поздоровее, шастал по спальным гетто ночных мегаполисов, сколачивал потихоньку уличные команды. Один был вхож в ГУИН и шерстил колонии для несовершеннолетних, где ему рекомендовали лучших из тех, кого выпускали на волю по УДО.

Полковник в тот вечер назвал их гвардией движения, торжественно присвоил всем номера, а потом разоткровенничался, пенял на врагов русского народа и их склочных прихвостней из килогорской администрации, пролезших в оргкомитет по протекции финансировавшего движение Балладова и стоящих за ним структур.

«Как он тогда кричал: “Не Килогорск, а Гнилогорск”! Вот как надо было назвать вашу столицу Подмосковья!..” Мне тогда достался пятый номер. Хорунжий ещё подкалывал: мол, на 007 не тянешь, дескать, женился и заикаст. Из наших в Вопне он главный: худо-бедно провернул мероприятие, обзванивал всех, предупреждал, чтоб не болтали Мутнову...

Хорунжий, в отличие от куратора, денег не клянчит, лом цветного металла его обогатил. Только, чего ради, заканчивал институт стали и сплавов? Пять лет на военной кафедре, месячные стипендии за год набегали на тысячу двести рубликов, “брежневских”, между прочим. В армию не пошёл и теперь у него бригада сборщиков пивных банок. Собрал алкашей со всей Вопни, крутит-вертит ими как хочет. Их он посылает, и Мутнова тоже, и меня бы послал с удовольствием, но для Нагибалова деньги найдёт...»

Захлёбистые крики, облепившие со всех сторон, смысл словопоток про змей и пауков, услышанный им впервые по «голосу» лет тридцать пять назад и повторяемый рок-идолом в тысячный раз сейчас. Алис Купер замутил сознание и поволок за собой по саунд-трэку, пока в соседнем ряду разнимали дерущихся. «Чего вникать, пусть Мутнов разбирается. Хватит с меня Милены и ее упрёков. Аппаратные войны – это прерогатива куратора, и драка в зале – тоже для него...»

Пресс-конференция оргкомитета близилась к завершению. Мутнов за столом слюнявил микрофон, подытоживая взаимную брань и ловко переводя её в русло толерантной полемики. Скрипели ряды, хлопались спинки кресел, пресытая зрелищем массовка расплзалась по проходам. Отдельные фигуранты застревали на лестнице, толпились у выхода, откуда сыпались прощальные обзывательства, перемежавшиеся одобрительными возгласами. Рядом вертелись здоровенные юнцы из службы безопасности ЭрЭнЭрЭнПэ, зачисленные с подачи Хорунжего в орготдел аппарата. Пришлось выключить плеер, подняться и отступить назад, чтобы освободить пространство для чужих спин и плеч.

«Теперь повсюду эти ящики, прикормленные протеином. А из моих сверстников настоящих не осталось: после перестройки, переворотов и отпуска цен полезли в приватизацию и перегрохали друг друга... Надо бы отловить Мутнова, удостовериться, что ксива, фанера и CD-болванки готовы. Ладно, в Вопне разберусь. Если Нагибалов распорядился, Хорунжий состряпает, лишь бы куратору насолить. Пусть грызутся, кто из них второй человек в партии...»

Не замеченный никем, прошмыгнул к лестнице. Сметая наскоившуюся пыль, запрыгнул по ступенькам в холл. В распахнутых дверях его остановил мерный дробный шум: тёплый ливень полоскал узкое жерло Мясницкой улицы.

«Вот и Миленин зонт пригодился!»

IV

«Ежели Мутнов сболтнёт, где не надо, тогда хлопот в Запорожье не оберёшься... Помнишь Федю Голомца из Усть-Каменогорска? Наш 01-й. Гниёт заживо в Атырау в спецтюрьме каэнбэ доверчивый русский ванёк. В комитет национальной безопасности Казахстана его сдали, получив информацию через Мутнова. Куратор пригласил Федю на шашлыки, подложил нежную девочку из спецуправления, настропалил что-то там организовывать, назначил на должность спецпредставителя, снабдил липовыми корочками, сунул пачку мелких захватанных купюр и заслал в целинную степь. Чтобы в профильной конторе профильного ведомства двое получили элитные акции от косоглазых коллег в обмен на “плановую” сдачу “русского экстремиста”. А те ещё бонус подкинули: “ваххабитов” – парней из степных стойбищ, сорвавшихся в Москву заработать на калым. И полилась скваженная жидкость в офшоры, посыпались звёздочки на погонах, в оргкомитете зашелестели долларовой зеленью. Мутнов для отвода глаз запустил статью в polit.ru: “Куда же потечёт нефть Тенгиза?” Только вот про Федю разнесчастного ни строчки в прессе, ни одного поста в ЖЖ... Начинал этот Мутнов на побегушках в “Движении за спасение Вооруженных Сил”, а когда генерала Хохрина убили, пересел в килогорскую администрацию. Видать, заслуги особые, Азеф ты наш. Ничего, я, хоть и “москвич” теперь, но навык имею – распознавать упакованных бутиками симулякров, псевдолюдей, человекообразную нечисть. И привилегию имею: выполнять грязную работу самостоятельно без соглядатаев, out of the control⁷, как пели престарелые Rolling stones, такидоехавшие до Москвы. Таможня, погранцы, обыски, ненавистные взгляды, плевики в спину, озверелые морды, боевой гопак – это для меня. А они пусть талдычат воду в ступе, наши вождюки, надрываются на митингах, набиваются в прямой эфир. Я научился молчать, вместо говорильни у меня дело, поэтому я – настоящий».

Поезд мчал его по бесконечным туннелям подземки на окраину столицы.

Протерев лопатками спинку сидения, задремал, упокоенный вагонной тряской. В полусне память подсказывала обрывки фраз из вводной лекции Мутнова. Теория аппаратной

⁷ «Из-под контроля» (англ.).

войны оказалась любопытной, он не раз прослушивал аудиофайл с записями курса и многое заучил наизусть.

«...Грозные заявления, радикальные экономические программы, всенародные стратегии особого пути, непреклонные президиумы – всё это копируется из года в год на съездах, конгрессах, соборах и собраниях сотен народных движений. Но заканчивается мероприятие – и вера рядовых патриотов, преданно ловивших каждое слово с трибуны, перемалывается в утомительных бессмысленных “массовках” под аккомпанемент бесплодных дискуссий о судьбе России. Не успевшие освоиться в Москве, чужие в коридорах власти, где всё расплано наперёд для своих, пассионарии из провинции тонут во фракционных дрязгах, дербанят штатные должности, выбивают оклады, и въезжают в Думу на энтузиазме толпы неудачников. Обрывается финансирование – и телекумиры, проговорив с утра дежурные заявления в зале заседаний на Охотном ряду, обивают пороги офисов, пресмыкаясь перед олигархами, в надежде наскрести денег, чтобы под шумок купить квартиру и хоть как-то закрепиться в столице...»

«Пауза. Куратор отхлебнул из кружки... Светлого безалкогольного... Он вообще пива не пьёт, считает, что это лёгкое, скверно изготовленное вино. Тоже не выношу пива. Это нас роднит... Ладно, поехали дальше».

«...Искушенным властителям известна корневая причина любого конфликта общественных групп и между отдельными личностями – стремление не желающих трудиться присвоить себе результаты чужого труда и, соответственно, чужую собственность. В этом кроется корневая суть борьбы зла и добра на планете Земля. В материалистическом мире вечной войны большинство людей предпочитают жить сегодняшним днём, считают, что возникшие проблемы надо решать по мере их поступления. Наивные и недалёкие, попав в жернова общественной нестабильности, они с радостью приветствуют любую смену власти, если она обеспечит порядок на улицах, заполнит прилавки супермаркетов товарами, и сулит квартирно-дачный покой, возделенную мечту женщин. В минуту неизбежных потрясений, испугавшись леволлиберального псевдореволюционного хаоса, обыватели примкнут к нам, нависнут со всех сторон, лишь бы не свалиться в бездну межэтнической экспроприации с неизбежным выселением из тёплых квартир и уютных коттеджей...»

«Опять зачмокал. Чмо. И ещё раз сглотнул. Сейчас объявит перерыв с выходом в туалет, а потом продолжит... Хорошо, сделал тогда паузу. Плёнку перематывать не надо».

«...Пребывая в горниле изменчивой политической ситуации, следует уклоняться от столкновения, парить над схваткой. И неустанно убеждать всех в том, что только мощное националистическое движение способно восстановить разваленную систему взаимных сдержек общественных групп, которая, в сбалансированном виде, собственно говоря, и есть власть... Мы можем выйти на авансцену и заявить о себе только один раз, но наверняка! Надо дожидаться момента наивысшего неравновесия сил, когда ослабнут перекусанные друг другом политические оппоненты и потеряют дееспособность силовые ведомства, погрязшие в дрязгах вокруг распределения полномочий. И если улица почувствует нашу непоколебимую твёрдость, поверит в то, что только мы способны восстановить пошатнувшийся общественный порядок, увидит, как наши активисты ставят на колени этнический криминал, она сама передаст нам власть!.. О, как ошибаются нынешние временички, которые твёрдо уверовали в то, что будут восседать на вершине аппаратной пирамиды вечно!

Они сталкивают ведомственные либо имущественные интересы через подконтрольные СМИ, аккумулируют народное недовольство и направляют его разряды в сферу жэжэха. Заманивают молодые силы в ипотечные программы и выматывают их там по системе Тейлора, чтобы люди надрывались, выплачивая завышенные проценты за квартиру и позабыли про митинги. Та же ситуация с обманутыми дольщиками. Но они, наши нынешние хозяева, не принимают в расчёт тех, кого испокон веков называют быдлом, городскую чернь мегаполисов, выходцев из слоя низкоквалифицированных пролетариев, серую лошадку, так называемый народ. Простолюдины ведь не дураки, быстро распознают манипуляторов, сначала начинают саботировать их указы на местах, потом выражают накопившуюся ненависть в забастовках и перекрытиях транспортных артерий. В нужную минуту разгневанный плебс запрудит столичные улицы... И вот тогда главными станем мы, ЭрЭнЭр-ЭнПэ! Мы будем определять тренд развития нации! И мы дадим добропорядочному обывателю, автомобилисту и рыбаку, его жене-домохозяйке – матери семейства – новый русский порядок, такой, при котором любые конфликты разрешаются в пользу простого человека, честного труженика. И он сам никому не позволит отнять у нас эту власть! Да и бессмысленно на неё покушаться, если нет осязаемых противоречий между странами. Либо они закамуфлированы и их удаётся сгладивать. Но это происходит лишь тогда, когда эффективно работает механизм зачистки, социальный лифт, поднимающий вверх храбрых, добросовестных простолюдинов, и спускающий вниз отпрысков высокопоставленных семей, дефектных выродков, не достойных находиться в элите общества. Такая система отчасти уже действует в современном Китае, где создан отлаженный многоступенчатый механизм ротации кадров. Ещё раньше элементы кадровой зачистки были опробованы на Кубе на уровне местных советов...»

«Закидал тут нас мудрёными фамилиями латиносов, успешных националистов-государственников... А черт, из головы напрочь вылетели... Потом родил ещё пару умных мыслей...»

«...Вернёмся к нашим бананам, уж простите за каламбур, я не про БЭНЭЭН...»

[Смех в аудитории, матерные реплики про незадачливых соратников из развалившегося движения «Братство нашего народа».]

«Да уж, прогремели на весь RUNET: прежний вождь ушёл в загул, повыбрасывал иконы, избил с собутыльниками ихнего куратора с Петровки и то ли подался в буддизм, то ли его посадили, короче, “группа распалась”... И давно бы “исчезла”, если б не Шартисский. Молодец мужик, принял дела, трепыхается. Вот бы его к нам перетянуть первым замом к полковнику!...»

«...Вспомнились бэнээнники, кстати, потому что не придавали значения борьбе за власть собственно в коридорах власти, не пытались проникнуть в основу её, вползти на становой, так сказать, хребет. А ведь именно здесь развернулась свара между аппаратными группировками. То, что раньше презрительно называли подковёрной вознёй, превратилось в реальную аппаратную войну, в нескончаемую битву на информационном поле, в которой побеждает та группа интересов, где высок уровень целеполагания её ведущих функционеров. Что же такое аппаратная война? Это драка вокруг кормушки госбюджета, в которой схлестнулись конкурирующие кланы чиновников. Проще, бой до смерти за распил нефтедолларов... Законы аппаратной войны предельно жестоки. Если кто из оппонизирующих структур пытается вторгнуться в замкнутое информационное пространство вашей аппаратной группы, то должен расплатиться благополучием либо жизнью. Эффектив-

ность ответных действий обязательно должна превысить нанесенный ущерб. От исполнения этого правила нельзя уклониться, иначе потеряешь власть, вне зависимости от того, какая она – псевдодемократическая, олигархическая, криминально-бюрократическая либо коммунистическая...»

Голос Мутнова, тусклый и монотонный, словно из преисподней, растворился в стуке колёс, теребивших рельсовые стыки.

Выбравшись из ущелий метро, соглотнул стелящийся из-под выхлопных труб смог и заторопился к знакомой платформе. Здесь ещё не установили турникеты, и по утрам выстраивался заслон ревизоров.

«Раньше был народный контроль, а теперь перронный. А ежели пипл поднапрёт и провёшься в вагон, докучают контролёры и ковыляешь на остановках от хвостового к головному. Доберёшься до Окружной, ноги натружены, а ещё день по Москве мотаться. Правда, по вечерам безбилетников не так гоняют, в час пик вообще легче проскочить. Успеть бы в Вопню, застать Хорунжего. Домой опоздаю, Милену разбужу, рассердится ещё...»

В электричку зашёл с тягостным чувством: тащиться, на ночь глядя, в ближнее Подмоскowie – на фиг надо!

«Надоел этот подвал, духота, болотная гниль... Они все моложе меня – Хорунжий, хвастающийся потенцией и в трёх браках никого не родивший, Мутнов и вся его килогорская родня, прошнурованная хозпартийными связями и прописанная в приватизированных дачах Совмина и Генштаба... Я еще не успеваю выйти на точку, меня шмонают погранцы, а Мутнов уже трезвонит соратникам: “Мы послали туда *нашего* человека!..” Контакты с соотечественниками нужны этой геополитической банде для плезира, было бы окно на границе. В харьковской таможне лепят накладные на декотаж, гонят фуру из Чопа в Харьков, штампуют инвойсы, а в Бутове контрафакт переоформляют в конфискат, и распахивает по области хорватский парфюм с шанелевскими наклейками... Злобится Мутнов не зря: деньги текут рядом, но мимо, к Хорунжему, на корсчет его цветметлабочки. И сколько бы куратор не пыжился, он лишь подстава у дипломированного деляги, который стрижёт жестяные купоны и Мутнова просчитал. Ну, не терпится человеку повыступить, впечатлить юных патриотов, так и витийствуй перед камерами, раздувай щёки в СМИ, все газетные полосы оплатим, только накладные не тронь!.. Их обоих Нагибалов держит на поводке: первому слава, второму деньги, а себе – власть... Прапор нашей партии! Все друг другом манипулируют, а я – дурак... Альтруист разнесчастный, да тебя Милена скоро из дома выгонит! Забыл, как в тот раз проскочил через Мариуполь? Вернулся еле живой из Таганрога, ободранный, без копейки, а благоверная в коридоре встала и не пускает: “Да в Москве есть тысячи мужчин, которые получают в десятки раз больше, чем ты!” Ну и что, помахала хвостом, искры из глаз, на кухне фыркала. А после ужина накормила, спать уложила и урчала блаженно...»

Он созерцал свое отражение, болтавшееся в занавешенном сумерками стекле. Моторный вагон трясло, народ срывался с мест, теснился в проходах и тлел в прокуренных тамбурах.

«Все рвутся загород, а тебе завтра... на Украину. А, черт, “в” или “на”, так и не перестроился!»

Рядом начинал доставать пьяный рокер, на которого не хотелось смотреть.

«Куртка, заклёпки, осветленная чёлка, серьга в ухе. Мне и двадцать лет назад такой прикид претил. Ладно, не пляши, говорить не о чем. Всё равно скоро выходить».

Электросостав подплывал к платформе Дедовская. Пришлось заблаговременно продираться к выходу.

– Нет, я верю только в стального парня из спецназа!.. – послышалось вдогонку под аккомпанемент распаленной пневматики.

Сиганул через сумки с рассадой на неосвещенную платформу, по ветхим, искрошенным ступенькам взобрался на эстакаду и засеменял по переходу, покашиваясь на провисавшие где-то внизу провода с тарелками изоляторов.

«Их бы свистнуть, насадить на штыри, добавить к ударной установке и барабанщик заколотил бы дробь с лезгинкой. Только вот кануло в лету “Привычное дело”. Где теперь забулдыга Бабай? Погиб, наверно, война была, а он на их стороне... – Он взглянул на часы и ускорил шаг. – А вот и наша зелёнка, хвойно-болотная. Не опоздать бы в Срубчатый, а то Хорунжий умчится из посёлка. Небось, матерится, меня дожидаетесь, но сидит, лишь бы Нагибалова не рассердить. Полковника все боятся. “Love him, yes we love him...” Влюблены до безумия в этот ужас».

Мобильник в нагрудном кармане рубашки задержался и пропищал, пропустив в электронное чрево эсмэску. Пришлось вытащить трубку, на ходу разложить, ткнуть пальцем иконку «Сообщения». Выскочили: «Входящие. 3 новых». Нажал ещё и прочитал на дисплее sms-восточки:

...

ГДЕ ТЫ?

...

С КЕМ?

...

ОТЗОВИСЬ, ЛАПА!

...

«Милена бесится. И ответить на погрёки запахло, а то расшифруют биллинг через подстанции сотовой связи и засекут наше Лонжюмо. Оргкомитет и так на карандаше. Лучше перестраховаться, иначе Хорунжий накапает на меня Нагибалову. Жаль, не могу забанить твой ник, благоверная, зажала со всех сторон. А что Мутнов, кент лощеный, живет лучше? Хорунжий баял, ездил к куратору на день рождения в Килогорск гудеть на флэту. А жінка-стоматолог опилась палилкой и давай лупить муженька-аппарат-технолога сковородой, гости-чоловіки обгоготались... В перестройку с провинциалками было проще. Раздолбай Пучков с незабвенного семинара мечтал напечататься на халяву, и засел писать конъюнктурный роман о путанах. Не хватало устремисту натуры, и понесла его нелёгкая к “Интуристу” в импортном костюмчике, да с пустым кошельком: “Почём ходишь, девочка?” “Десять ‘красненьких’, мальчик. Я чистая, обслуживание и класс гарантирую!” Ну, а он сразу: премьеру Литинститута – льготная скидка, и чтоб после пролетарского акта контрольный поцелуй в формате “супер”! И обслужили не-мальчика досконально. Но по головке не погладили. Как увидели бывалые бабы трёшки и рубли советские, завизжали во весь голос и позвали качков. Те вставили куда надо, тариф “деревянный” скомкали, в хайло ему засунули, отвезли в общагу, и зашвырнули голого на вахту. Такой вот столичный сервис, с фингалом под глазом. Муру пучковскую не опубликовали: истёрлась, видать, либеральная этикетка, и остался мастер-пофигист без маргарит и московской прописки. Годы пролетели, отовсюду балду повыкидывали и приютила сестра в Тьмутараканске, сжалилась. Там и догнивает проститут с простатитом, порносайты окучивает, заходит на форумы, поучает молодёжь, вывешивает на стартовую страницу стариковские былички про половую жизнь: мол, СПИД не спит! Гонорар какой-то ему сыплется от производителей контрацептивов, тоже мне, культуртрегер постнулевых. А ещё в день знаний грозился смешать меня с землёй... И кому теперь нужна эта туша? Господи, с какими скотами свела когда-то судьба в Москве, хуже не видал!...»

Порыв прохладного ветра донёс запах гнили. Зажав ноздри пальцами, перевалил на ту сторону железнодорожного полотна и очутился среди коммерческих ларьков и киосков, из которых один ещё работал.

«Ничего, распогодится. Успеешь изжариться в Запорожье. Может, отдохнешь чуток, забудешь про всё, 05-й... Нагибалов не зря всех числит по номерам. На то мы и серая гвардия, чтобы нас не знали в лицо».

За последним освещенным козырьком расстилалась гнетущая темнота. Густой ельник вплотную подступал к болоту, по краям которого маячили пятна помоек. Сквозь кроны едва мерцали далёкие огоньки, утопавшие во мраке.

«Улица Локомотивная. Задворки страшного мегаполиса».

Увёртываясь от залапанного орешника, заспешил по асфальтовой дорожке. Под ногами хрустела игольная сыпь.

V

Двухэтажный бревенчатый сруб, построенный когда-то немецкими военнопленными, местный военкомат отбил под молодёжный клуб «Юный патриот» лет пять назад. А подвал для собраний военно-спортивного отделения «клуба» выканючили через вопненский муниципалитет.

«Не бесплатно, небось. Хорунжий сунул кому-то в лапу, и теперь видный член движения. А меня всё футболят с Кубани в Лабашиху, с Лубянки в Вопню...»

Вспомнились тягостные прощальные дни в лабашихинском ОРЧе на улице Зарина. Под самое расформирование сверху распорядились уничтожить базу данных на этносообщества. И вместе с матерившимися ребятами он раздёргивал системные блоки компьютеров и бабахал молотком жёсткие диски. Тут и Милена к ним сунулась невпопад: готовила статью о работе инспекции по делам несовершеннолетних, искала Моргунову. Или, может, разводка Облезлова мужчину искала... Приехала бы в Лабашиху на день позже, никогда бы не увиделись и разминулись навсегда. А пока любезничал, заикаясь, с помятой красоткой (системный блок б/у), кто-то сунул в руку трубку, и послышался голос Хорунжего. Пришлось выдвигаться в Вопню, на противоположный край бесконечной Москвы. Удалось застрять там, в аппарате Оргкомитета, и вновь остаться на плаву.

«Ходил когда-то на репетиции в подвал, и теперь точно так же в партийную школу шастаю... Подвальный человек, подвальная жизнь, как там у Достоевского “подпольное сознание”»⁸, – ворчал он про себя, осторожно продавливая носками кроссовок прогнившие досчатые ступеньки. Напоследок, вытянув подбородок, оглянулся на запах гари – на месте соседней двухэтажки зияла дымистая мгла.

На скрип выглянул низкорослый крепыш в спортивном костюме, с бесформенным, словно сведённым в кулак лицом – Хорунжий, один из двух первых замов Нагибалова. Вместо рукопожатия пихнул в плечо костистой лапицей.

– Чего зыришься, позавчера снесли. Предпоследняя была в посёлке. А стены и брёвна спалили бомжи. Мы их днём повыгоняли, а они ночью оторвались... Ничего, оборудуем здесь полосу препятствий... А нашу фрицевскую хибару попробуй сломай! Да еще с дойчевским фундаментом. Умели строить гансы, не то, что наша пьянь забубённая. Ныряй, чего мнешься... Дой-чен зольда-тен!!!.. унтер офеци-рен!!!..

«Деды в гробах переворачиваются, скот... Здесь в 41-м передовая была, траншеи, заваленные трупами... Выходит, гибли за твою свободу пьянствовать и трахаться!»

Смолчал. Нагнув голову, вошёл и осторожно распрямился. Трухлявый свод, затянутый изнутри рубероидом, оброс паутиными ловушками, в которых подрагивали комочки дохлых мух. У черной ученической доски, укрепленной на железобетонной опоре, выстроились

⁸ «Подпольное сознание» – как психологический феномен, предвосхитивший теории Ницше и Фрейда, было впервые сформулировано в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

в неровные шеренги лавки, табуреты и ломаные стулья, засиженные до полированной смолы и сдвинутые как попало.

«Лет сорок назад здесь, наверно, репетировали доморощенные “Слэйд-ребята”, а теперь, когда Нагибалов приезжает, запираются и по скайпу нахваливают соратников-скинов в Штатах».

– Посиди, братан, сейчас принесу ксиву, бабл⁹ и все дела... «Хорунжий... Кто тебе присвоил чин? Казачество местное или донское-кубанское? Не похоже. Туда и без тебя набрело неудачников в проклятые 90-е. Жил-был затёртый жизнью бесквартирный разведённый капитан Советской Армии, а потом глядишь, а он уже “генерал-лейтенант казачьих войск”, носится с аксельбантами по бюрократическим коридорам в поисках финансирования...»

Зевнул, сморённый усталостью, но вдруг под самым сердцем в нагрудном кармане загудел мобильник. Пришлось извлечь трубку, разложить и читать эту дребедень. «Эта покоя не даст... Про “Любовь по телефону” спели Foreigner в 79 году. Про ревность с эсэмэсками, наверно, кто-нибудь тоже спел».

...

КТО ОНА?

...

ОПЯТЬ МОРГУНОВА?

...

ПРИСТАЛА ЭТА БЛЯДЬ ИЗ УБЭПА?

...

У ТЕБЯ ЕСТЬ Я!

...

Он стёр по очереди все sms-сообщения, очистил крохотный дисплей. «Эх, благоверная, думаешь мне охота париться в биогазе? Когда рядом смердит упитанный функционер...»

– Держи билеты! – Хорунжий плюхнулся на соседнюю лавку – Вот, командировочные, пересчитай. И постарайся уложиться в баланс. Мутнов на “Honda” продирается через пробки, будет через полчаса. Что-то пронюхал этот килогорский чмошник. Вот возьмет и всех сдаст в управление по защите конституционного строя!.. Проконтролировать ему неймётся и обязательно через фэйсбук. В долю набивается, сволочь. Ревизор, бя...

«Деньги, билеты, паспорт, вроде, всё в порядке. А этот чего напрягся-то, чего мутного педалирует?.. Небось, затеяли в большом политсовете очередную интригу против оргкомитета, чтобы выжить оттуда Нагибалова и посадить выходца из органов, а то, видать, совсем “органы не работают”... – Его передернуло от раздражения. – Аппаратные игры, перестук клавиатуры, факсы, принтеры, ксероксы, сканеры, это для них в Москве. Я-то еду на войну настоящую. Им по запорожским хуторам от упаковцев⁹ бегать слабо».

Прочитав в его глазах недовольство, Хорунжий завёл беседу о вечном:

– Мутнова в Килогорске совсем опустили. В администрации через него перешагивают, даже ноги не вытирают... Балладов перестал принимать!.. А дома тёща тиранит, жена гуляет на стороне...

– И-н-н-войсы оф-ф-орм-м-м-мле-ле-ны?.. – вопрос назрел невовремя, и пришлось перебить начальника.

– А меня не колышит!.. – взорвался здоровенный наглык. – Это ведь я деньги на билет наскрёб, оторвал от бюджета, с бухгалтерией собачился! У оргкомитета, между прочим, фонды не резиновые... Ты ведь не к Мутнову нанимался, а в ЭрЭнЭрЭнПэ! Ты наш сорат-

⁹ Упаковцы – члены подпольной Украинской повстанческой армии (УПА), активно действовавшей в 1940-х – начале 1950-х гг. Возобновили активность на Украине в 2000-е гг.

ник, а этот... и гапка его задаст... обойдутся. Тоже, вертит своими шарами, лы́бится, а потом крутит динамо... Слушай дальше и врубайся. Поедешь в купейном до Запорожья в свой любимый полулюкс. Счёт-фактуру и счёт-проформу впендюрят, привезёшь мне. Им тоже откатится... И растормоши своих знакомцев, чтоб с горилкой не переборщили. А то в прошлый раз в бутовской таможене нас развернули и послали, потому что в декларации страну происхождения товара написали не в той строке! Совсем одичали в своей степи, забыли как оформлять накладные... Да под эту партию товара я кредит брал, и теперь повяз в долгах из-за долбанных инвойсов!.. Мутнов, скот, деятель культуры фигов, свалил мне на склад контрафакт и думает, что забесплатно. Делился бы вовремя твой куратор, тогда и дружба навек!.. Короче так. Твоя задача после Харькова и Запорожья прошвырнуться в Воронцовск, выйти на точку. Там будет ждать вот этот связной... Далее сам, по обстановке. Лады?

Пришлось утвердительно кивнуть и взять протянутый листок с адресом.

«Кредит для своей фирмы ты получил от имени оргкомитета, подделав подпись Нагибалова. А за это ты Мутнову раскассировал областной транш “на культуру” для Союза писателей Московии, а потом просадил свой откат в футбольном тотализаторе. И вот теперь нужно идти к Балладову, чтобы тот распорядился, и через килогорскую администрацию выплачивались проценты... из городского бюджета, а Мутнов заупрямился, торгуется, он-де в покер не играет, и тебя послал... Ну, ты и чудак, Хорунжий! Недоволен? Хочешь, поезжай, разбирайся с этой бандой. У них в Килогорске земля мягкая, хватит на всех. А меня Воронцовск встретит...

А этот кто на фотке?.. Я его не знаю, зато знают твои дружки в органах, металлист ты наш сталелитейный. Значит, работать с новым человеком... Прежний, Паша Цеверимов, повесился месяц назад на яблоне рядом со своим баракком. Или его повесили. Но о резиденте никто не знал, кроме меня и Нагибалова. Пока полковник по дурости не обмолвился на большом политсовете о сослуживце, который бедствует, и попросил кого-то пристроить его, ну, если не в Подмоскovie, то, хотя бы на Орловщине... Тайна разглашённая стоит чьей-то жизни, слушают на политсовете хорошо, есть кому. Теперь уже и Нагибалов в курсе. На заседаниях этих вонючих всегда молчу, и меня всерьёз не воспринимают. Поэтому еду в тринадцатый раз и не попадусь!»

– ...Парень этот – наш человек, активист, он и сообщит адрес человека, который даст информацию.

Мигнул Хорунжему в знак согласия. Тот приосанился.

– И последнее. Там где-то рядом ошивается А-та-лия Ведренко. Лидер движения «За единство России Белоруссии Украины» – ЗЕБРУК сокращенно... Передашь соотечественникам CD-болванки с материалами, а тебя выведут на неё. Вызнай, готова ли она к новым выборам. Узнай у своих, так ли популярна её партия в Восточной Украине, что болтают о ней самой люди, ну, в общем, слухи, сплетни...

«Rumores... “Слухи”. “Золотой” альбом ансамбля Fleetwood Mark. Первое место в США, лучшая группа 77 года... А хит Don't stop, – не останавливайся, то бишь, вертели по “голосу” так часто, что до сих пор помню наизусть все куплеты и припевы...»

– ...Партий этих там не меряно... А ей тут сердобольные на одной кремлёвской башне хотят спринцевать с лимонной речки!.. Бля, нам самим не хватает! Рукопашный бой, стрельбища, чтоб пацанов занять и по улицам не бродили. Это же всё денег требует и ещё каких! Спортзал абонировать – раз! оплата инструкторам – два! амуницию закупать – три! налоги, слышишь, налоги платить – четыре!.. И с фонда оплаты труда – тоже! А у меня не багательня, инвалидов не берём!.. И так после расшивки неплатежей еле-еле обналичиваем... Бляха-муха, теперь этот Мутнов повадился лекции читать без передыху, теорию свою аппаратную развивает, гением себя считает, работать на него должны!.. А сам ни на что не годен,

бол-та-ло-лог. Чуть что: “У меня то, у меня сё, да ещё дитё!..” А по мне с такой житухой детей заводите западло... Расплодились на нашем харче, хохлы килогорские!.. Ты ведь ещё у нас не был, когда он продвигал проект Южно-Сибирской республики? Денег захапал, а ребят потом всех заложили!.. Подозревают-то его!

«Ты тоже руку приложил, не скромничай, не замай на Мутнова. Тот провал на вас обоих висит: ребят наших повязали еще на подходе к Усть-Каменогорску, а атаман Федя Голомец был зверски избит... Вон оно что: решили и меня сдать?.. Только я не провинциал с Кубани, ты же не знаешь, Хорунжий. Я – с дальнего Подмоскovie, дрался когда-то на улицах в С. и тебе, скот, пощады не будет!..»

Он стал медленно подниматься, но Хорунжий, предупредив его решительный всплеск, забросил лапища ему на плечи и осадил назад.

– Успокойся, Ванёк. Садись. Мы помним про то, что случилось с Южно-Сибирской республикой и Феей Голомцом. С Мутновым и его кумом Балладовым мы разберёмся...

Они молча поедали друг друга глазами, и это странно напомнило ему далекие «застойные» годы в Москве, в сквере у Самотечной площади, на «комке» перед обменом пластинок: он и незнакомый коллекционер вцепились с двух сторон в гляцевый пакет с фирменным лейблом и модным винилом внутри, – один не решается купить, а второй – сдать так дешево.

– ...Слушай, Ванёк. Ну, мы, конечно, не отрицаем твой опыт оперативной работы в определённой сфере... И нравы хуторские ты знаешь, всё-таки на Кубани вырос в провинции, с местным контингентом контактировал... Но вечно ты с плеером и за своим роком совершенно не просекаешь политическую ситуацию. Тебе, например, известно, что суд присяжных оправдал полковника Кабачкова, и тот собирает движение под лозунгом “Порвём Ваучер! Посадим Рвамоди!”?

Мотнул отрицательно головой. «Это Мутнов тебя просветил, ловит по вечерам радио “Свобода” и потом на телефонах висит...»

– ...Десантник, между прочим, популярен в народе, – напирал Хорунжий, – и финансирование на него перетянули, а у ЭрЭнЭрЭнПэ отобрали, сволочи... Нашему танкисту конкурент. Нагибалов с геополитикой мудрёной носится и прочей заумью, а у Кабачкова всё просто: Ваучер – прихватизатор, обворовал всю Россию, и живёт припеваючи!.. Рвамоди понастроил финансовых пирамид, людей скольких обманул, без квартир оставил, а тюрьмы не боится, и над прокуратурой потешается!.. Вот пускай оба расплачиваются за народные беды! Они во всём виноваты, их и мочить!.. Пойми, сейчас нужен шум, бомба для СМИ, чтоб было ясно, что Нагибалов – серьёзный политик, иначе Кабачков с его деньгами перетянет наших активистов на местах... Тут, кстати, инфа наклёвывается с компрой. Пообещали через твиттер из Тавриды. Там почти тыща гигов, по проводам через почтовый ящик в Yandex’е не прокачаешь, а выкладывать на «облако» стрёмно... Но это не критично. Большой политсовет уже напрягся, сами просят. Сейчас любой компромат сгодится, чтоб скандал без передыху, не то Кабачков нашего шефа затрёт. И так уже старики-ветераны нажаловались в военкомат из-за его долбанной свастики. Поразвесил тут, пришлось снимать и прятать... А мы... мы вот что: объединим их в единый партийный список. Тазулина первым номером, или Горозина... А нагибалу отфильтруем и в огород к кабачку засадим, чтоб Ваучера с перцем полопали и Рвамоди перетёрли холодным отжимом... Глядишь, и перемахнем процентный барьер. Я ведь не зря три года мастером в цеху прокатном надрывался, жизнь-то знаю, повидал... Хватит, отхлебал своё!

«Ни хрена ты не знаешь и ничего ты не видел, говорящий кусок дерьма!»

– ...Вот пролезем на Охотный ряд, пусть даже не депутатом, помощником, и тогда считай, жизнь удалась. И тебя устроим, будешь нормально получать, заживёшь по-челове-

чески, не на гроши... Как там в твоих рок-штатах: only business... О'Кей¹⁰?.. Уразумел?.. Так что вези вручную через границу! Считай, что это приказ...

Кивнул, чтобы отвязаться, затеребил корешки билетов РЖД, замусолил банкноты.

«Слава богу, хоть билеты правильные взял на нужный поезд. И денег чуть больше, чем в прошлый раз. Не поспешил, остатки дневной выручки. Плеер, плеер, скорее плеер. Лучше Алис Купер, и спускаемся в ад, чтобы разрушить его, Des to Hell...»

Взбудораженный чужой тщательно просчитанной откровенностью, долго остывал, анализировал.

«А с чего это второй человек в партии расщедрился?.. И зачем понадобился Мутнов и мчится, как угорелый, по “дороге смерти” из Килогорска в Вопню?.. А, после, после. Вернуться бы через неделю...»

Но послушать музыку не удалось. Хорунжий грузно поднялся на кривых коротких ногах, привыкших к автомобильному сиденью и никогда не знавших седло, вытащил мобильник, взглянул на циферблат. Потом пихнул в плечо, поманил и приотворил дверцу. Порыв свежего насыщенного гнилостными испарениями болотного воздуха обдал ноздри.

«Твоими копытами, Хорунжий, разноску по осям метить, когда эту хибару определяют под реконструкцию и затеют евроремонт... Занервничал, соратничек. И чего дёргается?.. Может, дали команду подставить самого Нагибалова?.. А через него основного, неприкасаемого?.. Значит, московские либерасты затеяли очередную операцию “The death to Siloviki”¹¹ по плану, спущенному через американское посольство. Силовики сейчас под прицелом Запада. Измаранные в СМИ, размазанные по позорным абзацам в Рунете, они всем мешают. Хорунжему без помощи куратора не обойтись. Но у меня с шефом связь напрямую, через обходной канал, вам с Мутновым неизвестный... Ну, что, сыграем в аппаратную игрушку, москвичи?!»

Хорунжий повернулся, задев массивным плечом шаткий косяк. Тяжёлые каблуки бездельного соратника запрессовали ноющую лестницу. Провожая в темноту к тропинке, опять врал:

– Слушай, Мутнов сейчас притаранит просроченные бланки. Звонил еще до тебя, распекал, мать его... Недовольство своё высказывал, уши прожужжал про какие-то декларации-сертификаты. Подсуетись там, в Харькове, выясни, в чем закавыка, посодействуй... Мы же пару раз в Бутово проскакивали, оформляли товар как конфискат, годный к реализации. Только последнюю партию сволочи с таможни попридержали. А без сертификатов этих парфюм в магазины не возьмут. Мы же с продаж кэш имеем, обналичиваем, начисляем зарплату для членов оргкомитета, ну, это между нами... Ладно, ладно, ступай, не до тебя уже. Вон пацаны-расклейщики припёрлись...

В настоящей хвоей темноте, уходя, оглянулся, никому невидимый, и заметил знакомый внедорожник с “кенгурятником”, подъезжавший к молодежному клубу, где загнивал в мутной грязи интриг их конспиративный подвал.

«“Продолжай висеть сумасшедший бриллиант...” Да уж, будет прохиндей Мутнов тащиться к чёрту на кулички в вонючую Вопню из-за каких-то деклараций. Небось, везёт схему аппаратных подстав. Хорунжий – тупой, ему по телефону не растолкуешь, как нужно шефа дожевать и выплюнуть. И, видать, изрядный гешефт посулили обоим за сдачу Нагибалова. То-то Мутнов прибарахлился, одет с иголки... Измаялись соратнички, хочется во власть с секретаршами. Хорошо, пусть будет всё, как вы хотите. Я, как и положено лоху, попрусь на заклятие в запорожскую глубинку. По радио передавали, там нынче чернозём плавится...»

¹⁰ «Ничего личного, только дело», «всё в порядке?» (англ.).

¹¹ «Смерть “силовикам”» (англ.).

И вытравив из души остатки страха, словно смрадный трос из канализационного люка, постановил: «Послезавтра выйду на точку. Там и разберусь».

VI

Наушники вибрировали, грозя вот-вот слететь с мочек: в голове металась прощальные вопли престарелых рокеров из легендарной архангельской группы «Облачный край», выпустивших на старости лет альбом «Патриот», чтобы уложиться в пиар-тренд и снова пролезть в хэдлайнеры.

– Кто доверил этому дебилу
квартиру, тачку, дачу и мобилу?..
Кто позволил этому баклану
зашивать на моем теле рану?..
Как произошло так, что это чмо
без труда закончило МГИМО?!
Кто?.. Кто?!.. Кто???!!!..

Закинув за плечо спортивную сумку, он неспешно шагал по подземелью Курского вокзала, снаряженный и экипированный Миленой.

«Привыкла к моим поездкам, хоть и закатила в полночь истерику. Впустила молча, а в прихожей вздрючила за позднюю явку и за то, что разбудил, а ей завтра на работу. И потребовала отчет по всей женской форме, зеленоглазочка, где, мол, и с кем. Вот я эту ненасытную форму и заполнил...»

Он выбрался из подземного перехода на перрон. Смахнув с ушей телефоны, вдохнул подсохшими ноздрями утреннюю росяную свежесть с примесью путевой гари.

«Надо было взять фамилию супружницы, когда расписывались... Был когда-то Олег Владиленич Обухов, он же герой выдуманной им самим “Истории обыкновенной американской рок-группы”¹², то бишь Элвин Ауэрс, экс-“Монолит”, у которого, вполне вероятно, последовала сольная карьера... А теперь есть Иван Петрович Сидоров и его жена Милена Облезлова, девичья фамилия, кстати. А так получился бы Иван Петрович Облезлов. Даже прикольно. Впрочем, уже без разницы, какая у меня фамилия... “Нас нет, остались только чёрные дыры!” – пел четверть века назад некий несчастный неудавшийся журналист, выпрыгнувший в окно от сознания собственного бессилия что-либо в жизни изменить... И меня давно уже нет. Есть мое дело, как последний прощальный альбом, которой все никак недозапишу и не сэмплирую. Милена, молодец, провозилась вчера весь вечер у плиты с советской сковородкой, доставшейся от бабушек и дедушек. Котлет наделала. Хватило и на завтрак, и на поезд. Всё страшит микробами на поручнях эскалатора, таксофонными трубками. А мне в жестяном коробе париться сутки. До Курска ещё ничего, а за Воронежом испекусь...»

На платформе зашевелились: выдавший виды локомотив тащил с пути на путь дюжину побитых купейных и плацкартных вагонов, истёртых ветрами, измолоченных дождями и ливнями, скрежетавших колесами так, что визжали избалованные столичные рельсы.

«Скорый поезд “Москва – Запорожье”... И снова в бой, подъём – отбой».

Стиснув зубы, вспомнил самую первую поездку, когда застрял в Бологах, на полпути от Запорожья к Воронцовску, и не к месту и не вовремя проснулась боль в колене: словно зубчатый бурав, засверлила изнутри коленную чашечку. Ему оставалось пройти по ночному

¹² См.: Терехин, Валерий. IN ROCK – сделанный в СССР. – М.: «Знак», 2012. – С. 148–180.

неосвещённому поселку и попасть в нужный адрес. Вокруг расстилалась восхитительная украинская ночь с чистым чёрным небом, негаснущими вечными звездами. Лёгкий ветерок, насыщенный запахами полыни и созревших бахчей, овеял лицо, а он уже не мог идти. И чтобы добраться до нужной хаты, где ждали пакет с агитационными CD-болванками, распрямил ногу, точно приставную деревянную, и, не сгибая, тыкаясь ступнёй в землю, словно палкой, заковылял. Пospел в срок к заветной калитке, дёрнул звонок. Вдруг из-за плетня выскочила с оглушительным лаем здоровенная мохнатая хаска и, окатив пеной из разъявленной пасти, прокусила сумку, которую едва успел подставить. Послышалась ругань с крыльца, и заспанный хозяин отогнал косматую псину.

«Про колено я с испугу забыл, а как стали гонять чай с наливкой, вспомнил, а боль прошла».

Так он познакомился с Пашей Цеверимовым, отставным прапорщиком, служившим когда-то в полке штурмовой авиации, упрздненном за ненужностью лично президентом Хрущенко.

«Да, Паша был человек сметливый, фишку просекал быстро. В механики группы прицела брали самых лучших, кто от регламентных работ не отлынивал и контрольные спуски-сбросы выполнял аккуратно, без членовредительства при случайных отстрелах... Здорово всё обустроил мастерюга на заброшенном аэродроме: на краю заросшей травой бетонки – ангар, за грудой списанных агрегатов – сервер с пишущими дисковыми. Продержались худо-бедно год и месяц, делов наделали: завалили Луганщину и Донбасс CD-агитками. Беспека с ног сбилась, в Конче-Запсе совещание было специальное. Паша молодец, успел разобрать и попрятать железо... Сам я тогда просочился через Мариуполь, сыграл в дурака на пограничном пункте. Потом в Таганроге отлеживался на городском пляжу, пока в оргкомитете скребли по сусекам на обратный билет. Пришлось даже Нагибалову звонить. Ничего, вывернулся и на этот раз. Везучий я!»

Потихоньку обустроивался в купе, искоса принаравливаясь к соседям, с которыми придется существовать бок у бок целые сутки. Пока получал постельное бельё и застилал полку, тревожная мысль отвлекала, уводила в уже прожитое.

«Паша Цеверимов стал связным оргкомитета в Запорожье поневоле. Из хаты его сожительница выгнала, и он перекочевал в Воронцовск: хотел жить поближе к аэродрому, самолёты любил. Прокантовался как-то, покуда хватало денег на съёмную квартиру, Интернет... и выпивку. Наш 02-й прокололся в Полтаве, его выдворили и Паша последние полтора года пахал за двоих. Оргкомитет навесил на него контакт с Приднепровьем, перечислял на карточку какие-то крохи... А потом собутыльники отжали в барак за долги, грозились и оттуда выселить. Может, сболтнул чего лишнее на переговорном пункте, когда звонил Нагибалову и слёзно просился в Россию. Полковник обивал пороги, доставал инстанции, но попусту. Месяц назад Паша прислал e-mail с серпом и молотом и попрощался, простите, мол, за всё. Может, и впрямь повесился сам...»

О безвременной смерти Паши Цеверимова узнал случайно, прочесывая веб-сайты Запорожья. В местной газетёнке «Воронцовские ведомости» вывесили прелюбопытный некролог. Запомнились загадочные строки: «Он не сломался, а использовал единственное, что у него осталось, – право распорядиться своей жизнью, чтобы сделать вечный укор той системе, которая довела его до смерти, тем, кто ему угрожал». В памяти вновь возникла заброшенная кирпичная одноэтажка у подножья обрыва, подпираемая расплывшимся рынком. Отсюда, с окраины старого города ни в какую не желал выселяться облысевший алкоголик-одиночка – по-прежнему стройный, жилистый, в вечной черной майке, с простецкими наручными часами и отрешённым взглядом прищуренных глаз...

«Надо проанализировать, случайно умер, или жизнь дожала. Может, арендатор вышвыривал, и мужика ломали. Или вздёрнули западенцы из партии “Радіма Свобода”.

Либо допекла Беспека, госбезопасность хохляцкая. Виделись мы с ним в последний раз три месяца назад. Я в Витебск спешил, заслали на славянский форум... Паша отвечал вяло, глядел под ноги. А через шесть недель его снимают с петли с яблони у входа в барак... И вот теперь Хорунжий подсовывает мне в Воронцовске своего человечка, листок с адресом всучил. Некий незнакомец отправит меня к дистрибьютору, готовому распространять CD- и DVD-диски с материалами оргкомитета чуть ли не в Галичине. Це Бандера, балакает Львів... Оце так, Хорунжий, переможец ты наш сталеплавильный! Честный советский прапор Паша Цеверимов сломался, чтобы не тронули подросших детей в молдавских Унгенах, и поквитался с жизнью, меня предупредив. И весной вывел на запасного связника, о котором в Москве никто не знает. К нему и направлюсь, когда покончу с делами. А к кому-то идти ещё – поостерегусь».

Осторожно перемещаясь в заваленной спящими телами металлической камере, взобрался на верхнюю полку и кое-как улёгся. Вздрагивая в такт со стенкой вагона, проминал затылком холодную наволочку и, потихоньку отрываясь, вспоминал прошлое лето, пляжный рок-фест в Гориловке, куда пришлось несколько часов тащиться из Запорожья по жаре на перекладных внутреннего сгорания.

...Только-только отгремела жатва. Дымились подожжённые поля, и сотни пламеневших язычков добривали огненными лезвиями ссохшуюся стерню. Степной таврический суховой вздувал пепел с разрыхлённого чернозёма и распылял его над нескончаемой лентой едва плетущихся роскошных иномарок и битых советских легковушек, в которых торопились к морю местная «элита» и простые смертные. В пыхтящем лицензионном микроавтобусе местной сборки, куда едва влез сквозь узкие дверцы, и где его сразу задвинули к окну, под палящим зноем, в тесноте и давке мечтал об одном, чтобы их поскорее вынесло к взморью. С подсохших лесозащитных полос в раскалённые стёкла сыпалась жарь тушёной листвы; прогорклая вонь оплавленного асфальта и слипшихся покрышек взрезала ноздри. И когда свежий азовский бриз донёс издалека пряно-трухлявый камышовый аромат, вытащил из нагрудного кармашка липовую ксиву корреспондента «Луганской правды» и выбросил в придорожную пыль. И стал таким как все, безымянным и незаметным, и оттого счастливым. С извечным плеером и наушниками затесался в толпу молодняка, валившую по проулкам меж коттеджей и особняков к побережью. Вслед за безбашёнными хлопцами подобрался к собранному из труб и стержней каркасу с дощатым настилом. Наспех сколоченную сцену украшали два огромных портрета: увитый рушниками мятежный гетман Мазепа, а рядом – революционер-латинос Че Гевара.

В ушах зазвучали вопли исколотого трезубцами гарного мускулистого парубка:

Це Запоріжжя, це Україна!!!..
А не якась інша країна!!!..

Вокруг, взбивая шлёпанцами песок, дёргались ошалевшие от незалежности растатуированные топless грудастые девки, размахивающие купальными принадлежностями. А он гадал, как не оскоромиться в этом содоме, беспрестанно утирал щёки и нос от разлетающихся слюней, капелек сладковатого пота и вдыхал с отвращением настоящую на горилке-медовухе отрыжку.

– ...И-я-я не сдамс'а бэз боя!!!.. – ревел спятивший от жары и ненависти вокалист, тыкая микрофоном куда-то в сторону Москвы, рвал и топтал российский триколор, а непокрытые с утра пляжные шлюхи визжали от восторга и зашвыривали на сцену последние уже не нужные тряпки.

«Текстура по кайфу. Фёмен-потаскухи лижутся. Группа Mазера Luminozo¹³ вступила в последний этап своего падения... Мазепа-рок для лесбиянок...»

Исхитрился тогда снять всё это безобразие на мобильник и передал jpg-файлы Мутнову, а тот без промедления выложил их на сайте движения. Через полчаса Нагибалов выступил от имени общественного политсовета движения. Велиречавое заявление прокрутили через «Подорожное радио», а отрывок втиснули в новостной блок федерального радиоканала «Маяк» в прайм-тайм. Назавтра российский МИД отбомбил Банковую вулицу¹⁴ нотой протеста, так что с канцелярии президента Хрющенко штукатурка посыпалась.

С мобильником с тех пор ездить зарёкся: кто-то перехватил сообщение, прислал mms с угрозами на мове... Трубку тут же выкинул и возвращался домой через Сумы. Мутнов потом срезал премию напополам, мол, посеял казённый реквизит...

Всё никак не удавалось заснуть. В дремотной, тряской, загустелой темноте поезд «Москва – Запорожье» проследовал через Воронеж и после тягостной остановки покати́л к госгранице.

Шлёпанья колёс о рельсовые стыки постепенно затихали. Пассажи́ров обветшавшего состава ожидали чужие пограничники и таможенники на пропускном пункте «Казачья Лопань».

«Свои-то зеленопогонники в Белгороде прокачали быстро. Наркокурьер?.. Не похож, ну и хрен с ним, с зайкой-недоумком, русская эта оппозиция или малороссийская громада, какая разница, всё равно позавчерашний, проезжай... Наше поколение списали в тираж самым первым ещё двадцать лет назад за то, что дольше всех будем помнить страну, которой уже никогда не будет. Да и остались от нас одни хорунжие и мутновы. – И в ушах застучал недельной давности крик куратора, разодравший покі'евскую трубку. – “Забраковали твои инвойсы на Бутовской таможне, слышишь?! Ты просто дурак!.. Катись в свой провинциальный Харьков!.. Пусть всё исправят и распечатают заново, чтоб нам вернуть выручку хотя бы за треть товара!..”»

Кое-как смял набухшее в груди волнение.

«Мутнову сейчас главное – отжать бизнес, подставить Хорунжего, развязаться с накладными, и свалить в сторону, пока серьёзные джентльмены не начали топить Нагибалова. А деньги куратору нужны, а то хохлушка кинет кацапа... Нет, с простыми людьми легче: они грубее, но реже предадут. Умным быть легче, когда не воспринимают всерьёз. Всю жизнь меня спасает грязная работа, подальше от больших денег!..»

Ночной ветер застелил пути сладковатой дымкой и выплеснул в распахнутое окно испарения дынно-арбузной тины. Ароматная мгла одурманила, и почудилось, что к расплётным металлическим остовам потянулись невидимые щупальца-трезубцы, выпроставшиеся из-под крон лип и платанов. Наконец в глазные роговицы вонзились вспышки семафоров.

«А в самый первый раз оказался в купе один, вот незадача, – вспомнилось вдруг, и он весь сжался, чтобы унять дрожь, вечно одолевавшую, когда пересекал российско-украинскую границу. – Не расхолаживайся. Ты же всё просчитал: улёгся в тренировочных, знаешь, куда дёрнуться спросонья, когда включают свет, сколько мгновений сидеть и клевать носом!..»

Поезд с грохотом застопорил ход, вагон вздрогнул и встрепенулся, будто уткнулся в эскарп. Наконец, дверцу в купе сдёрнули в сторону. Соседи зашевелились, откидывая простыни. Раздался переливчатый голос проводника с гортанными руладами, странными для южно-дніпровской залізниці.

¹³ Mазера Luminozo – аллюзия с названием радикальной маоистской группировки Sentero Luminozo («Светлый путь»), действовавшей в Перу и Колумбии в 1960-е гг.

¹⁴ Банковая вулиця – в Киеве, здесь находится канцелярия президента Украины.

– Приготовте д'окумент...

«Надо же, азер, или даг... Кавказцев здесь почти нет, наверно, в Москве, на Курском подрядился».

Он отбросил одеяло, осторожно спустился вниз, кое-как просунул ноги в кроссовки и ловко подложил свой паспорт в общую стопку.

«Ксива чистая. И путёвка оформлялась не напрямую, а через туроператора, а те билеты выкупали через “Пешавар”. Настоящих “афганцев” в билетной network-системе почти не осталось, так, сынки, племянники дожимают бизнес... Да не переживай, теперь не имеет значения, побывал ты там или нет: треть советских дембелей уже передохло от такой жизни. Вот и надрываешься за себя, и за того парня...»

На этот раз погранцов было двое, по виду – коренные запорожцы: лобастые, курносые, вьедливые. Оба по очереди вертели в ладонях истрепанный паспорт с вложенной внутрь иммиграционной карточкой.

– Сидоров... Иван... Петрович... Гарно смухлевали!.. – Лысый колол глазами, будто саблей, сверяя фото на карточке с живым оригиналом, и протянул документ волосатому.

«А это, между прочим, новый образец с дополнительными степенями защиты. Теперь я заорлован. Ксерись страницу с фото, вытаскиваешь копию паспорта, а лицо заляпано двуглавой печатью. У американцев, небось, проступает долларовой слоган, и прямо в лоб сто процентному янки. А в Израиле, видать, выскакивает звезда Давида – мордехаю на морду фэйса... Прежнюю ксиву по весне разодрали в клочья, в Витебске в давку попал, прорывался на славянский фестиваль. Документ выправил заново Хорунжий, у него в паспортном столе жена... третья или вторая?.. А ну их всех!.. Так, чего мнёмся, ребята? Каждый раз у вас всё по-новому: новые лица, новые придирки. Ieri. Oggi. Domani. Dopodomani¹⁵. Пассажир-одиночка всегда подозрителен».

– А це чо?!.

– К-кляк-кса по-по-под рос-с-с-с-писью...

Выбритый наголо пограниц смерил его мёрзлыми глазками.

– Землицы крымской захотелось?.. Сибири не хватает?.. Вон как удумали кияне – девяносто суток можете гадить здесь без визы, а нам в Россию разрешают только на три дня... Ну, чего в Запорожье наярился?.. Этот с вами?

Полусонные бабки-торговки замотали головами, в соседних купе затаили дыхание.

– В-в-вот п-п-путёв-в-вка... в-в-в... са-са-са-нато-торий...

Волосатый смял толстыми пальцами новенькую санаторно-курортную карту, будто перетирал банкноты.

«Вот это им надо! Снимут щас с поезда и отправят к дознавателю! Так и делают с теми, кто закурил, ежели нечем откупиться. Ну, а с тебя-то что взять, с мухортого, безденежного...»

– В Воронцовск зашастали, в Гориловку, в Гелическ... Турции вам мало, заелись на нашем транзите!.. И чего рыщите, чоботы перетираете на рідной маті... Усе крініцы загадили, москалі!

Чтобы перебороть нараставшую панику, незаметно принял армейскую гимнастическую стойку: руки сцепил за спиной, ноги расставил по ширине плеч.

«А, вот кого ждут... Таможня, заступает смешанный наряд. Русак и женская половина с ведомственного конкурса красоты, системный блок – в нуле!..»

Тёмноокая красавица подплыла сзади. Голубой берет едва покрывал тугой пучок волос на затылке.

¹⁵ Вчера. Сегодня. Завтра. Послезавтра (итал.).

– Есть у вас ещё какой-нибудь документ, подтверждающий вашу личность? – Насыщенная модуляциями певучая мова, на русском ещё более очаровательная, взбудрила сердце.

– В-в-води-лительские... п-п-п-права... п-п-п-про-с-с-сроченчен-ные...

«Пожалей убогого. Ты мой последний шанс, Оксана или Стефа!» Отодвинув чужой баул, он рывком выдернул из-под нижней полки спортивную сумку. В ней, среди прочего барахла, аккуратно запакованного Миленой, томился чужой пакет с сорочкой из вопненской химчистки. Туда многоопытные соратники запрятали болванки CD-и DVD-дисков с материалами оргкомитета для многократного копирования. Содрать клеймо имел право только получатель.

«ЭрЭнЭрЭнПэ долбанная!.. Сейчас перетряхнут наизнанку, потащат на станцию, вставят кругляш в дисковод, а там “Воззвание к русскому приазовью” или статья забористая мутновская: “Крымско-азовский узел – в огонь!”... А меня за них засадят в обезьянник, и начнутся следственные мероприятия... Ёпрст, неужто влип?!»

Между тем просроченные права на вождение, бессмысленные в перегруженной пробками переполненной Москве, перегирались сейчас из ладони в ладонь и потихоньку ломали стену неприятия. Шикарная таможенница улещала волосатого, поглядывала на лысого, разоружая обоих поволокой ресниц, и продолжала ночное сорочинское пение:

– Покажите вещи, молодой человек!..

Рукастый верзила, сопровождавший даму, отгёр сомлевших пограничников. Взяв сумку, ткнул для острастки пятернёй в набитое бельем нутро и без церемоний перешел на «ты»:

– Везёшь чего? Оружие, боеприпасы, наркотики?.. Выкладывай сразу, Ив-ван Пе-трович, не бойся, косяк с амфетамином не подброшу.

– З-з-здесь т-то-толь-олько л-л-личные в-в-вещи... Лебезил по-простецки: согбенный и растерянный, услужливо подпихнул сумку поближе к свету ночника.

– П-п-по-по-жа-жалуй-ста-ста... г-госпо-д-дин к-капи-капи-тан... Созерцавший досмотр лысый пограничник скривился и проштмпелевал иммиграционную карточку. Затем отрезал от нее краешек, а ему вернул бланк вместе с паспортом. Таможенный наряд переместился в соседнее купе, завохтали-запричитали тётки-саквояжницы.

«Уф, пронесло. Все они ведьмы, украинки эти, по ночам на мётлах летают, надо только в нужную ступу влезть...»

Скованными движениями затянул молнию на сумке, запихнул её обратно под нижнюю полку и забрался к себе наверх. Подтянув к стене сползший матрас, стал старательно проваливаться в бездну сна, где его ждала иная жизнь, без изолгавшихся соратников, похотливой жены, ненужных встреч в чужих городах, жизнь, которую он мог прожить только в мечте.

«Опять думаешь о другой. Брось, какая разница, та или эта. Все они одинаковые – от профессорши до продавщицы: говорят об одном и том же, и ждут одних и тех же слов. И по вечерам на кухне крик: деньги, деньги, деньги!.. Забыл, как Милену поклеил? По вокзалам уже бродил, ночевать собирался... Так что, не мечтай.

Ты не живешь, а функционируешь, и только здесь никому не подвластен. “I’m free!”¹⁶ Роджер Долтрей из хулиганистых “Who” спел это в Вудстоке за тридцать пять лет до наших закипелых эпигонов. Отдохни... выпишись... во сне обретёшь ты право своё...»

VII

Ржавобокий локомотив тянул громоздкие вагоны к изгибавшемуся дугой перрону. Истерзанные заусенцами, рельсы вихлялись, прогибались на деревянных шпалах и натужно

¹⁶ «Я свободен!» (англ.).

поскрипывали под распалёнными колесными стыками. Наконец, поезд замер рядом с платформой, подпирившей приземистый двухэтажный вокзал.

«Слава Богу, не слетел с полки при экстренном торможении, тормозные колодки у залізничники нынче в дефиците, – подумал он, выскочив на прогретый первыми солнечными лучами асфальт. – Теперь главное не попасться. Запорожье хоть и областной центр, но я примелькался. И в отеле ко мне привыкли, бываю каждый год, и с “нашим человеком”, которого в Москве кроме меня никто не знает, контактировал здесь на виду у всех. Да вот ответит ли на звонок? Весной ей взгрустнулось, и прощалась со мной так, будто встретились на поминках и объелись блинов... Западенцы сейчас по всей Восточной Украине выдавливают природных русаков, рассаживают упёртых самостийников. А технолог в кафе отеля – место доходное. Мутнов и Хорунжий и не догадываются, что это не “он”, а “она”, и муж её сердобольный – на таможене крупный чин – обеспечивал пресловутое “окно” на границе. Свели меня с ним года три назад в белгородском главке, куда откомандировали из Лабашихи с документами: мол, сотрудник столичного ОРЧ, разрабатывает семьи мигрантов, знает все крыши, подскажет, куда занести, с какого распила отстегнётся для состоятельных переселенцев и где лучше поселить в Подмосковье, чтобы не терзали наездами. Я его снабдил телефонами нужных людей, прозаикавшись до хрипа, обрисовал схему... И на тебе, зарегистрировали несколько семей из-под Одессы, не пожелавших вшить ещё один год на технической воде. А потом мне пару раз в благодарность настучали в базе данных декларацию-сертификат и вывели через цветной принтер на фирменных бланках с зубцами. Такая вот синергия харда и софта... Ладно, если что, скажу лукавым соратникам, что инвойсы в Харькове завернули, и контрафакт через Харьков накрылся. Мутнов и Хорунжий пожурят, поматерят... и отработают назад, поскольку затеяли бизнес без вельможи Нагибалова».

Вспомнился вдруг дембельский поезд, вёзший его в блаженные времена через Киев, который видел один-единственный раз в жизни из окна, и в глазах снова замельтешили харьковские менялы с мордами набекрень, шнырявшие по вагонам, норовившие всучить рваные списанные гривны за доллары.

«Наша смена... Доходное занятие для дипломированных гуманитариев. Всё-таки солиднее, чем бегать взад-вперёд возле прибывающих пассажирских составов, предлагать пиво и минералку, или тарахтеть на мотоцикле у железнодорожного полотна, подбирать с испепелённой насыпи куски антрацита, выпавшие из переполненных фур... Вот говорят, что украинцы – другие. И чоловіки, и жінки. У нас мужик, а у них – человек. У них повидло, а у нас варенье. Может, и другие, только нынешние не чета прежним, с которыми когда-то делил солдатский хлеб: переняли у москвитов привычку болтать о насущном, лишь бы самим ничего не делать. И теперь у нас, в нищей России, все пути уложены на гравий, а здесь раз в квартал драные поезда летят под откос со взбученных рельс...»

На площади перед вокзалом застал восход солнца: яркие блёстки, кокетливо перемигиваясь, сползали по окнам многоэтажек. Слеплённый, поспешил на теневую сторону. Задержался ненароком возле придорожного рынка, осторожно осмотрелся, разглядывая бахчевой развал.

Курортный сезон заканчивался. Пришедшие спозаранку торговки, бойкие на язык, расхваливали товар: яйца, цыбулю, груши, перчики, улаживая последних отдыхающих запастись в дорогу. Спёкшиеся в зале ожидания транзитники торопились избавиться от гривен.

«В Запорожье раскошелиться сподручнее, чем в Харькове. Поглибление світової рецесії докатилось и сюда, вот и стебаются речистые пенсионерки, – мрачно констатировал он, вышагивая в обход типовой панельной пятиэтажки, где искони укрывался от налоговой инспекции народный пункт обмена валюты. – Реве и стогне Дніпр шірокий, и где-то совсем недалеко. Там, с благословения американского посла Тейлора, с прошлого года громоздят мост с десятками пандусов и прочими приколами. На наше счастье все отпущенные транши

местные чиновники обглодали до костей и хотят ещё. Вот и заглохла стройка, нам на потеху, а то натовские танки прикатили бы на маневры в Донбасс».

Пришлось занять очередь и дожидаться, пока откроется стрёмная “валютка”. Отстояв полчаса, поменял казённые рубли на гривны с портретами Грушевского¹⁷ по курсу, становившемуся невыгодным по мере приближения к морю. А затем побрёл в соседний подъезд, где располагалась почта, и купил таксофонную карточку. Теперь надо было сделать самое трудное: вернуться в прошлое. И он, усилием воли переставляя задеревеневшие ноги, поплёлся к телефону-автомату.

«Понавесили тут, а следующий через переулок... Но прослушивать все сразу невозможно. И у меня десять секунд».

Взял кончиками пальцев захватанную трубку, вставил карточку, набрал местный код, потом нужный номер и приложил засаленную мембрану к уху. Раздались длинные гудки.

– ... pronto... questo a notte... interessante...

– ... zenza bisogno... mezzana...

– ... non dico queto...

– ... me la fumo!..

«Подключился на свою голову... – Он поёжился. – Прослушка! Четвёртый отдел ЭсБэУ пасёт клиентов отеля, а выделенных линий не хватает даже для службы безопасности Украины. Прогнули америкосы Беспеку: сплывили лежалые коммутаторы, впендюрили списанные серверы. Вот и запекается поутру пицца из болтовни мостостроителей итальяшек с массажным салоном. В Турции, Египте и Албании все публичные дома забиты украинками, а первый отдел ЭсБэУ кинули на москалей, видать, других дел нет... В родном Подмосковье и то “порядка” больше: в Старинной Купавне на нижегородском шоссе болтаются девочки-“поплавки”, а над ними мамочки, состригающие ежедневно двадцать пять процентов с выручки, и охранники на точке с твёрдым окладом по полторы тысячи рублей в сутки, и рабочий день с 14 до 21.00 и по вторникам выходной... А здесь, в таврическом люксе, работают на допотопном самосъёме, как у нас в криминальные девяностые». Гудки продолжались.

– ... questa femmina puttana?..

– ... un bel pezzo di ragazza!.. verys eхy!.. Adjamo¹⁸!.. Дывітесь, які...

«Горячая колониальная линия, оформляем предварительный заказ евробондам на преданную юность и проданную честь. А для своих по вечерам караул у лифта: “Кофе в номер, вечером... Вечером в номер, дурень!..” И чао-какао со СПИДом и последующим хосписом...»

Наконец, трубку сняли, и ему ответил густой, бархатный женский голос:

– Да, слушаю...

«Время, время!..» Впившись глазами в циферблат часов, на котором секундная стрелка неумолимо подступила к роковой десятой рíске, он вымученно прозаикался насчёт покупки окорочков с истёкшим сроком годности.

– Нема бiльше... Это ты что ль, Олег?

Пришлось отозваться на имя, которое он уже давно не носил.

– У меня спаренный телефон... Выйду через сорок минут. Раздались короткие гудки.

«Смурная какая-то. Может, с полулюксом не заладилось? И где мне тогда ночевать?..»

С женщиной этой судьба свела в далёком Львове, в той безвозвратно ушедшей жизни, когда лежал в хирургии окружного военного госпиталя в одной палате с искалеченными

¹⁷ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – идеолог государственной независимости Украины.

¹⁸ Слушай... этой ночью... интересуется... сваха не понадобится... я этого не говорю... мне плевать!.. это шлюха?... это красивая здоровая девушка (итал.)... очень сексуальная (англ.)... пойдём (итал.).

солдатами из горячего Афганистана, которых пытался поставить на ноги с помощью чудодейственного металлоостеосинтеза легендарный львовский хирург Гзак. Её вот-вот должны были перевести из госпитальной столовой в Стрий, где располагался штаб ВВС ПрикВО. В местный офицерский клуб брали стряпать только своих, чтоб галичанки не потравили начальство. Она тогда сама с ним заговорила, рассказывала про армейский баскетбол, про скитания с мужем по Союзу и прочую спортивную жизнь.

«А я кивал как болванчик, ведь таких как я много, с утра до вечера поток прибывших, убывших, кого-то оформляют в морг... И ребята те, наверно, все уже поумирали от горя и ран. И как она меня запомнила и через столько лет сама окликнула?..»

Гостиница «Новое Запорожье» была недалеко, но к парадному входу приближаться не рискнул и завернул во двор кирпичной хибары, сохранившейся здесь с царских времён.

«Пока распорядится подать сотэ и рис-резотто с шницелем, выйдет в коридор, дожждётся лифта, спустится в холл, проплывёт к чёрному ходу, минута-другая и просвистит. Ещё подождёт и покурит, бывало и такое. Смотри под ноги, рейдер хренов, а не то вляпаться в помёт».

Торопливо обогнул замшелые гаражи, на которых теснились обитые ржавым железом голубятни. Среди увитых плющом кухонных окон пялились ему в спину.

«Не мозоль глаза. Только цель, only the goal, то бишь Target – помнишь эту команду? Запустили их по центральному телевидению в новогоднюю советскую ночь с 77-го на 78-й, первую настоящую рок-группу с Запада. А распались эти “Таргеты” быстро. Выпустили альбом “Маленькая королева” и хит из него “Лауреат рок-н-ролла” передавали по “Голосу” и “БиБиСи”. Прогрели, а потом канули в лету», – взбадривал он себя, стряхивая с ног налипавшую усталость.

«Плеер включить? Не парься... Давай наизусть, тренируй память, 05-й, агент Number Five¹⁹. Помнишь лекцию Миртёхина в проклятом Литинституте?.. “Мир – это шайка мародёров, / куда не кинь, то лжец иль тать! / Мне одному дан такой норов / всю эту сволочь усмирять!..” Это мрачно-обличительный мотив русских поэтов... А есть ещё слёзно-гражданский: “Печальна брат судьба твоя... / Ля-ля – ля-ля, ва-ва́-ва-ва́. / Я корки хлеба не подам, / но плакать, плакать буду рад!..” Был такой поэт-пародист Минаев в девятнадцатом веке, не чета нынешнему ценителю тёлок-пробирок... “Хожáлый вздумает напиться...” Погоди, ты трезв как стёклышко. Просто адское пекло с утра. Полтора месяца без дождя».

Выбрал из последних сил к хозяйственному проулку, и укрылся в спасительной тени, отбрасываемой торцом двенадцатиэтажного здания. Напылённый металлургической копотью железобетон раскалялся, но рядом с цоколем было по-прежнему прохладно.

«А вот и мусорка. Плечистые хлопцы разгружают фургон с продуктами. Тесно-то как. Ну, по-другому побалакать не удастся».

Беспечно и отвязанно проскользнув мимо рукастых братков, юркнул в пространство между глухой стеной и съёмным кузовом с пищевыми отходами и наконец вышел к лестнице, рискуя схлопотать чем-нибудь в темечко из любого окна сверху.

«Вот теперь можно и MP3-плеер, – напялил наушники, громкость убавил. – Как тяжело с ней встречаться... Проклятье, когда закончится эта пытка?.. Ладно, потерпи чуток».

Она была единственным человеком из его позавчерашней жизни, в которой он уже заикался, но ходил, не припадая на правую ногу от мучительной рези в колене, и лоб и переносицу ещё не опалило пламя сожжённого Дома Советов, – единственной, кому он позволил остаться в этом новом, заново выстроенном существовании, в котором прозябал под вымышленным именем. После стольких лет напрочь забыл про столовую в хирургическом

¹⁹ «Номер Пятый» (англ.). Аллюзия с известным персонажем английской киноэпопеи о супергерманте «007» британской секретной службы Джеймсе Бонде.

отделении окружного госпиталя ПрикВО. Но ей вот запомнился. Почему? Может, после той памятной стычки с афганцами-«самоварами», когда он, прикрываясь от мисок и кружочек с едой и компотом, летевших в него со всех сторон, отступал к двери, и все равно пропустил осколочную «утку», рассёкшую щеку и задевшую висок. Она тогда прибежала из столовой, утянула в коридор, затащила в медсестринскую и приггла первым, что попало под руку – перекисью водорода. А он ещё долго не мог унять нервную дрожь и отчаянно зажимал рот, чтобы не выдать вслух порцию бессвязного тикового заикания... Через двадцать лет, после удачной командировки в Белгород, его, только-только прикомандированного к оргкомитету ЭрЭнЭрЭнПэ, послали в Левобережную Украину, поручив восстановить прежние знакомства, которых у него не в заводе не было; в Запорожье приехал тогда ночью, выбрел по незнакомым улицам к нужному отелю и, войдя в холл, осведомился у сонной дежурной о бронированном номере. Едва заполнил форму и получил от службы ресепшен²⁰ ключи, как кто-то обошёл сбоку, заслонил тучным телом и мягко окликнул по имени, которое не хотел вспоминать.

– Олежек, ты?..

И он, гордо ненавидевший ту жизнь, из которой вырвался навсегда, вдруг сломался и покорно кивнул, нехотя узнав в неумолимо расплывавшейся провинциальной даме миловидную когда-то старшую сестру-хозяйку из далёкого Львова...

«Хорошо, хоть не по фамилии, – думал он, опомнившись. – А что, если Олег – моя прежняя кличка?..»

Из рок-забытья его, наконец, вызволил голос, глухой и напряжённый.

– Ванечка!.. Подойди поближе, тороплюсь я.

Тяжёлой слоновой поступью, прощупывая ступеньки бетонной лестницы распухшими варикозными ступнями, его старая знакомая спустилась с бокового входа и оказалась совсем рядом, в белом халате, странно бледная для такой жары.

– Зд-зд-рав-вствуй-т-те...

– Не трудись. Я знаю, что тебе трудно говорить... Ванечка, а ведь было у тебя какое-то другое имя... Ну, ладно, не хмурься, – закокетничала она, забыв про возраст и седину.

Грузчики, натаскавшие коробок с мороженой рыбой, курили у распахнутых дверц рефрижератора, исподволь протирая их обоих скользкими усталыми взглядами.

– Н-нам н-н-нужны н-новые ин-ин-инвойсы за-за-место т-т-т-ех, – эту заранее заготовленную фразу он постарался произнести внятно и, протянул ей папку с файликами, в которые были аккуратно уложены исправленные декларации-сертификаты, перечеркнутые товарно-транспортные накладные, и счета-фактуры, – з-з-здесь об-об-об-раз-раз-цы...

Но главный технолог отеля ненавязчиво перебила, поглотив маслинами глаз:

– Муж у меня умирает, Ванечка... А ему в горсовете саблю казацкую подарили... Команда наша выиграла в Киеве кубок Украины... Он всё в спортзале баскетболистов тренировал, а мне из управления звонили, ругались, что людей срывает со службы... И только вчера сказал, что у него... – И не договорив, женщина смахнула платочком увесистую слезу, наворачнувшуюся вместе с капелькой туши на щеку. – ...Таможню харьковскую перетрясли... посадили тупомордых западнцев... Не знаю даже, кому передавать твой пакет... И с кем... Раньше муж этим занимался...

Она подержала в руках папку... и вернула ему назад:

– Ты поезжай лучше в Воронцовск... Прямо сегодня... Иди на вокзал, есть еще билеты в прицепной плацкарт... Через час отправляется...

«Вон оно что... Накрылся мой полулюкс».

²⁰ От англ. reception (размещение).

– Извини, Олежек... Ванечка... не могу даже принять, чтоб помылся – негде. В номера́ нельзя... Дома муж лежит, там всё лекарствами заставлено. Серебро ему, бедняжке, вводят в вену, всё мучается, кричит, запах ещё этот... Что заснули, хлопчики! Швыдче, швыдче выгружайте, а то машина простаивает, а мне потом платить!.. Я сейчас с расходничками к директору поднимусь, а когда спущусь, чтоб всё закончили!..

Технолог-метрдотель смолкла и тревожно покосилась. Кивнув на прощанье, он молча повернулся и заспешил прочь.

«Опять кипятиться в вагоне. К вечеру сварюсь, изжарюсь на таврической сковороде... Ладно, бывало и хуже. Застать бы связника, а то под вечер старик лыка не вяжет...»

Дотрусив до железнодорожных касс, занял очередь и слегка отдышался.

«Успею и на этот раз. Хорошо, что позвонил ей сразу, и осталось время в запасе. Всё, похоронил себя прежнего в последний раз, больше мы с ней не увидимся. Правильно остерегалась, вон как грузилы зыркали. Перешерстят отель и посадят на твоё место смазливую гапку. Спасибо, и на том, что не сдала. А черт с ними, инвойсами, я же этот канал организовывал и на мне всё держалось. Не нравится что-то Мутнову, пускай сам рулит на Hond'e в Казачью Лопань...»

Расплатившись гривнами, зажал в ладони билет Залізниці на поезд «Дніпропетровск – Воронцівск» и, проскочив удушливую вокзальную духоту, заспешил на перрон. Часы пробили полдень, и в звоне курантов утонул голос дежурной, сообщившей предупреждение метеослужбы о резком ухудшении погоды и волнении на море.

Вспомнились вдруг из далёких семидесятых «Окна», гремевшие в дальнем Подмоскowie и разогнанные в 72-м. Бобину старую с записью на магнитной плёнке типа А-2 прослушал в ДК «Текстильщик» один-единственный раз тридцать лет назад. «“Я думаю о чем-то, и оттого не сплю... Девчонка, девчо-онка, тебя я не люблю...” К вечеру буду у моря!.. Правильно сделал, что не взял с собой мобильник, а то сидел бы сейчас в другом вагоне, и везли бы меня в Беспеку, напрямик в Київ через Дніпр-Славутіч...»

VIII

В дымчатой зыбке тепловоз тянул по ссохшимся рельсам тряский переполненный состав. Хлынувшая с неба солнечная лавина растирала жаркие занавески, которые, казалось, вот-вот затлеют. За окном расстилалась нескончаемая равнина, оваянная ветрами с уже недалекого Азовского моря. Сквозь замызанное стекло проплывали заколоченные хаты, развалившиеся мазанки, заброшенные коровники, поросшие ковылем кладбища с торчащими из сухостоя надолбами обелисков. Подсолнечник и зерновые были уже собраны и опустевшие поля располосовали линейки проржавелой ботвы. Битва за урожай оставила после себя усеянное лунками марсианское пространство.

«Martian landscape²¹... Как-то неудачно у них там всё вышло, в UFO. Были два брата, талантливых гитариста, один в UFO, другой в Scorpions. Шенкеры, кажись. И до 79-го, пока “Скорпионы” не пропихнули в хит-парады винил Love driver, гремело “ЮФО”. Альбом их 76-го года великолепный, No heavy petting, переписывали друг у друга, захлёб слушали потрясные хард-рок-баллады. А потом что-то случилось, то ли “тарелки неопознанные” поразбивались, то ли вокалист спился. Ясно, что Микаэль Шенкер играет лучше придурковатого брата, Руди, или как его там, забыл... Это Фил Муг заломался у микрофонной стойки. Завалились тогда в бывший Союз, сразу после развала, наярившись в Питер и напрямик на гала-шоу. Вокалист-НЛЮ-навт взял ноту “ля”, спрыгнул в зал к девочкам-марсианкам и сломал ногу... А продюсер у них в 76-м был опытнейший, Лео Лайонс, басист из разва-

²¹ «Марсианская пустыня» (англ.).

лившихся уже как два года Ten Years After... И у Nazareth их лучший альбом Loud'n proud продюссировал Рожер Гловер, только-только покинувший с Гиланом DeepPurple...

Хватит про это!.. Самому не надоело? Опять окунаешься в свой мир, никому кроме тебя не нужный. Контрактника из тебя не получилось, рэкетиром не взяли, из гитаристов сам ушёл, за правду драться устал... Так научись молчать, и перестань врать хотя бы самому себе!.. Милена не зря попрекает: “Ты совсем не умеешь общаться!..” А ты ей всё чинишь да ремонтируешь, кран-буksы меняешь и ковры перевешиваешь. Ванную для неё переложил заново. Старьё стесал скаarpелью, покрыл акриловой грунтовкой, наложил штапелем клей “КаЭс” и налепил итальянской плитки, а трещины адгезийкой замазал. И смеситель фирменный подобрал и установил. Теперь вон как купается... Но всё делаешь молча, молча, и потому не люб... А зачем говорить, если ничего уже не изменить?.. Не до музыки сейчас, надо дело сделать, расплеваться с соратничками и сдать их Нагибалову. А молодняк здесь, на Украине, и так дохнет, без наркотиков и танков НАТО».

С тоской пережевывал страшную нелепую историю, услышанную в прошлом году по местной FM-волне. Балбес восемнадцати лет взял без спроса у отца старенький «Москвич», прихватил с дискотеки ещё молодняка, да так, что в салоне легковушки набилось вместе с ним десять хлопцев и дивчин и рванул по утреннему шоссе в Гуляй-Моль на дискотеку. А на развороте под спуск битком набитое престарелое авто сходу протаранило задний мост груженной запчастями фуры, водитель которой притормозил на обочине и закемарил.

«Как же достал их залихватский обычай за баранкой: по вечерам на хуторе близ Диканьки настоящий мужчина не зажигает фары... “Семеро погибли сразу, четверо живы!..” Захлѣбывались, небось, от радости, эфэм-волновщики, что первыми выдали в эфир такую крутую и нфу. Обрыдло это всеобщее горе... Сюда бы холѣного Мутнова в пиджаке от Versace и его зубодробительную хохлушку».

Вспомнилась супруга аппарат-гения, у которой лечил зубы на деньги оргкомитета. Как она, притираясь грудью, елозила на нём, меланхолично выскребая буром зубной нерв в недо-замороженном дупле, а он, зажмурившись от невыносимой боли, сочинял про себя эротический фильм «Стоматологи» о женщинах-садистках.

«И ещё ватный тампон забыла за щекой, пришлось уже на улице выплюнуть...»

Растянувшись на жѣсткой нижней полке, он вспоминал бывшее, чтобы заглушить саднившей сердце страх, час от часу нараставший.

«Старшая сестра-хозяйка... а, проклятье, все число технолога по прежней должности... как-то обмолвилась, что первого мая, аккурат в день международной солидарности трудящихся кормила в последний раз генерала Крапилина, командующего ВВС ПрикВО, перед тем, как тот сел в тот проклятый злосчастный ИЛ-76. Откуда было знать новоиспечѣнному генералу, что в диспетчерской рубке на пульте авиадвижения два чудака в изрядном подпитии режут колбасу на закуску. Праздник у них плавно перетѣк в обед, и прозевали “тушку”, то, бишь, ТУ-134, спешивший на посадку. А когда в воздухе на подходе к вѣпѣпѣ²² взорвались в яркой вспышке гигант и карлик, опомнились, успели вызвать военврача из 3-го управления, и тот вколлот каждому диспетчеру в вену изрядную дозу чего-то такого... Через час медэкспертиза – и ничего, трезвые, как стѣклышко. Так и гадают до сих пор, те, кто помнят – убийство это было или случайность. А нас тогда подняли по тревоге 2 мая в выходной день, зачитали приказ о проведении расследования и строго-настрого запретили распространяться о происшествии и не писать в письмах...»

Чувствуя, что клонит в сон, нащупал в сумке MP3-плеер, уткнул проводки с раковинками мембран в уши и блаженно погрузился в странный альбом группы Sweet – Identity

²² Вѣпѣпѣ (ВПП) – взлѣтно-посадочная полоса.

crisis²³. «Уже все перемерли – и вокалист Брайан Конноли и ударник Ник Тэккер. В 82-м был их последний год. Конноли уже давно ушел и тогда Энди Скотт сделал еще одну попытку вернуть прежний успех. Лидер-гитарист сместил акценты, переключился на ритм-энд-блюз, вроде того, как играли Doors в “Los Angeles woman”. Всё равно развалились Sweet в том же 82-м, а альбом получился великолепный – грустный, ироничный в чем-то над самими музыкантами, над шоу-бизнесом, без хитов, но с изюминкой: играли своё и чужое. Последние альбомы великих рок-групп на грани распада подчас бывают не менее интересными, чем первые...»

Блаженно нежась под монотонные хардрокковые пассажи, впал в забытье. Запестрели перед глазами мрачные индустриальные пейзажи Донбасса: города-клоны с торчащими вкривь и вкось терриконами.

«Здесь всё выгрызали с боем: норму на-гора, зарплату, женщин. Так было и при царе, и при коммунистах. А сейчас ещё хуже: ютятся в тех же бараках, разрабатывают семейные копанки и кормятся нелегальной добычей, как античные рудокопы. Учительницы с сорокалетним стажем суетятся по вечерам в потёмках у открытых пластов, стёсывают лопатами ломти антрацита, собирают в вёдра, а по утрам выставляют на шоссе, авось, притормозит кто-нибудь, возьмёт за пять-семь гривен. Хорошая прибавка к пенсии!.. А на себя не тратятся, чего уж там по такой нищете, хватило б на внуков. И прошлой зимой в промзоне и на Луганщине в посёлках, пораскиданных вокруг заброшенных шахт, замёрзли насмерть двести стариков и старушек, пока в Киеве «помаранчевые» утепляли Майдан незалежности победными шествиями. Перестань, не вспоминай, на всех зла не хватит... Послать бы сейчас эсэмэску Милене, ведь скоро год как расписались. Но я на службе, значит без мобилы. Лучше потом, когда доберусь, отстреляюсь, дела с плеч сброшу. Найду какое-нибудь Internet-кафе приبلудное, зайду через анонимный прокси-сервер, пошлю через mail-агент... Мол, солнышко зеленоглазое, всё нормально, отдыхаю-загораю, весь твой...»

²³ 23 «Кризис личности» (англ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.